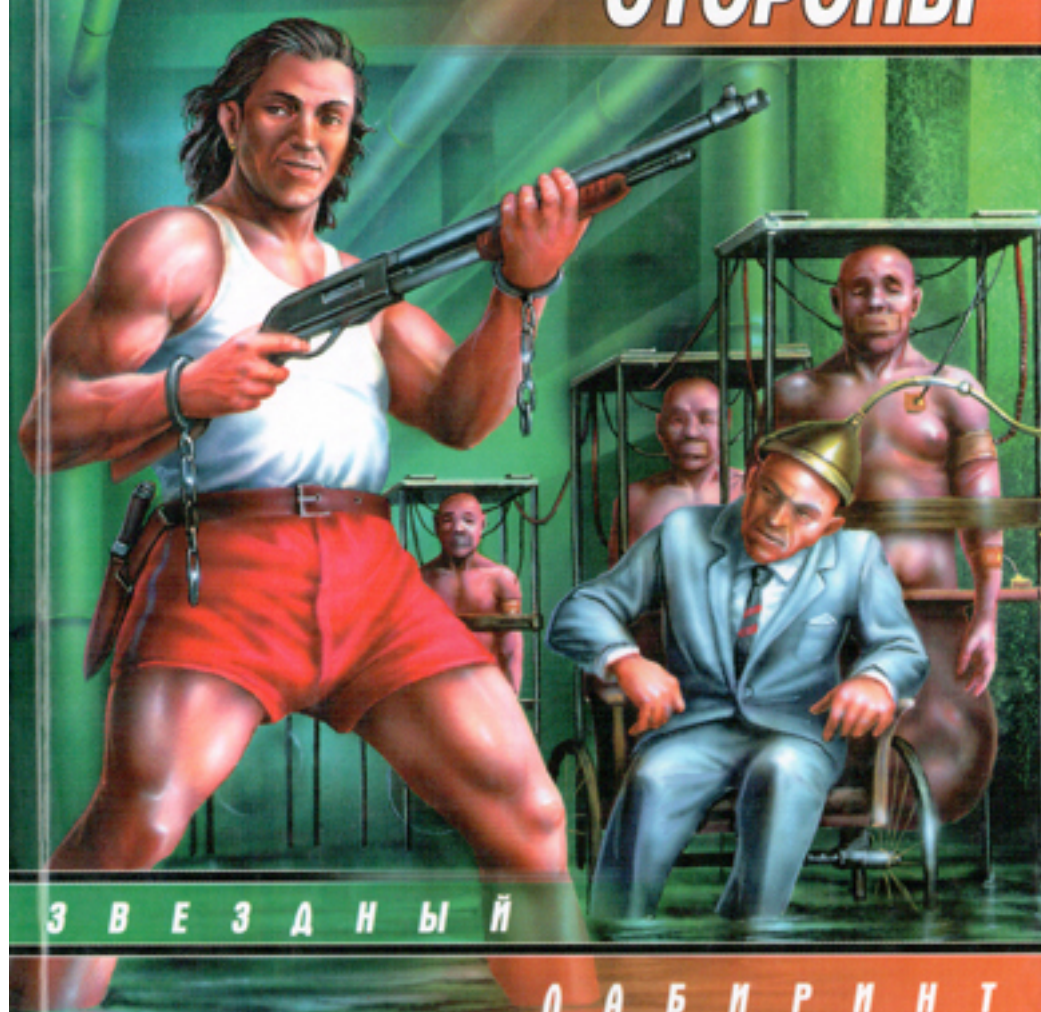

ЗВЕРЬ С ТОЙ СТОРОНЫ

Александр Сивинских
Зверь с той стороны

«Автор»

2001

Сивинских А. В.

Зверь с той стороны / А. В. Сивинских — «Автор», 2001

Призраки и монстры, разумные животные и посланники самого Сатаны – вот кто населяет наряду с вполне обычными провинциальными обитателями тихий губернский город N, соседствующий, по слухам, с царством самого Великого Полоза! Грань между реальностью и чудом становится все тоньше, магия и волшебство вторгаются в обыденную жизнь все сильнее... а главное – это решительно никого не удивляет! А кого, по сути, хоть что-то может удивить в наши времена?... Добро пожаловать в город N – Великий Гусяр XXI века!

© Сивинских А. В., 2001

© Автор, 2001

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ,	5
ГЛАВА ВТОРАЯ,	23
ГЛАВА ТРЕТЬЯ,	47
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	48
1. ...И ДОРОГИ	48
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Александр Сивинских

Зверь с той стороны

*Он вынул руку, и я увидел
ястребиные когти.*

Х.Л. Борхес, «Хуан Муранья».

*Поделом поганым самураям,
Не дождется их япона мать.
Вот как мы, примерно, поступаем,
Если враг захочет нас сломать.*

И. Иртеньев.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КРИТИЧЕСКАЯ ТЕМПЕРАТУРА

ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой мне сообщается о пользе экзотических фруктов и о том, что я – конь. Новая узdechка. Недолгое торжество коновалов

Звонок Большого Дядьки застал меня в спортзале, где я в поте лица боролся за ги-пер-трофию торакса. Проще говоря, железо тягал. Трубку мне любезно принесла мадам Анжелика, владелица зала, тренер соревнующихся атлетов и просто красивая женщина.

Не стоит думать, что я такая уж крупная величина в этом зале, раз у меня сама хо-зйяка на побегушках. Где там! Всего каких-то девяносто килограммов с незначительным довеском. Для моих классических шести футов роста – почти середнячок. А доставка «Моторолы» в белые рученьки имела под собою иное основание, нежели так называемый «соревновательный вес». Если быть более точным, то основанием служили некоторые моменты нашего с Анжеликой совместного прошлого. Не самые для меня безразличные. Для неё, кажется, тоже.

– Лодырь, – сказала она, окидывая уничижительным взглядом штангу и мечта-тельно добавила: – Вздрючить бы тебя по-настоящему! На, говори.

Дамский перламутровый мобильник в руке Анжелики казался игрушечным. Женщина она хоть и стройная, но крупная. А видели бы вы её торакс!!!

– Слушаю вас внимательно, – сказал я в «Моторолу» эдак солидно – даже не гор-лом, а грудью – и подмигнул Анжелике.

– Филипп, дружище! – радостно зарокотала трубка голосом Большого Дядьки, – вот вы где! Чрезвычайно рад слышать ваш бодрый голос. Скажите, не могли бы вы за-глянуть сегодня ко мне в контору? После тренировки, разумеется.

– Буду, – коротко ответил я.

– Ах, как славно! Тогда до встречи. Надеюсь, я вас не очень побеспокоил.

– Нимало, – сказал я и изобразил шарканье ножкой. Но Большой Дядька уже от-ключился.

Анжелика ухмыльнулась.

– Премного благодарен за вашу любезность, – сказал я, возвращая ей трубку. – С меня шоколадка.

– Издеваешься? – Она грозно нахмурила брови. – Ты бы ещё торт пообещал. Мас-ляный.

– Я? Издеваюсь?! Да боже упаси! Как можно? – вполне натурально огорчился я. Между нами говоря, догадка её была абсолютно верной. Однако знать ей об этом вовсе незачем. – Всего лишь проверяю реакцию. И, знаешь, результатами проверки весьма удовлетворён. Да что там – восхищён! Пока ты столь тверда в диете, и твоей изумительной фигурке ничего не грозит, я счастлив. Обожаю совершенство в женских силуэтах... – Я сменил тон с воркующего на деловой: – Тогда килограмм сухофруктов?

– Два, дорогой мой эстет. И не сухофруктов, а бананов. И непременно «Dole». Ещё лучше целый ананас. В нём содержится фермент бромелин, сжигающий жир.

Вот такая она, наша Анжелика! Даже фрукты подбирает по степени полезности. Поэтому то я с нею и расстался в свое время. А может, это она меня бросила?

– Скажи, Анжел, – спросил я с невинным выражением и талантливой имитацией кавказского акцента, – отчего это «ананас» пишется слитно, а «мы её» – раздельно?

– Фу, дурак какой! – сказала она. Впрочем, не без игривости. И добавила: – Учти, дуракам в моём зале не место.

– Как это изумительно верно! – воскликнул я, преклоняя колено, блестя глазами и ловя её кисть для поцелуя. – Без дураков здесь так уютно и спокойно. Но не спасут ли меня два ананаса?

Она пожала тренированным плечиком:

– От глупости вряд ли.

Я приуныл.

– Хорошо, неси, – смиростивилась она. – На следующую же тренировку. Иначе можешь не появляться.

И ушла, поводя крутыми мускулистыми бедрами, что было замечательно видно сквозь тонкие брючки. Я сделал ей пальчиками «бай-бай».

Милочка, забросив ножку на ножку, растопырив пальчики, любовалась свеженьким лаком на ногтях. Пузырёк с лаком стоял тут же, возле невиданного мною до сего дня навороченного ноутбука «Тошиба». Стоимостью приблизительно... ой, страшно представить! И это притом, что сам Большой Дядька разъезжает по делам на списанном из какой-то провинциальной больнички микроавтобусе «УАЗ». Модификации, ласково обзываемой в народе «Ульянкой» или «буханкой». Списали «Ульянку» после верной двадцатилетней службы «Скорой помощью». По причине морального старения и физического состояния, несовместимого с требованиями автоинспекции. Если хотите знать мое искреннее мнение, место ей на свалке.

То есть купить для себя приличное авто ему вроде как денег жалко. А тут такой суперский портабель! Для секретаря. А может, подумал я вдруг с ревностью, Большой Дядька таким манером ухаживает за Милочкой?

Нет, лучше уж считать, что у богатых свои причуды, и это – одна из них. Только вот когда же он стал настолько расточителен, чтобы начать эти самые причуды претворять в жизнь?

– Недели не прошло, – разгадала Милочка (Людмила Фердинандовна, секретарь Большого Дядьки) мои мысли. – Завидуешь?

– Э, – сказал я неопределенно. – Э-э...

– Понимаю. Могла бы и не спрашивать, – с деланным сочувствием вздохнула Милочка и погладила мизинчиком боковую поверхность великолепной игрушки. Стара-ясь, однако же, не размазать свежий маникюр. Потом хитренько улыбнулась и сообщила: – Завидовать, молодой человек, дурно. Зависть разрушает душу и иссушает тело.

– Знаю. – Я протянул ей розовый бутон на длинном стебле.

– Ой, какое чудо! Филипп, ты меня балуешь. Возьми вазу сам. Она, кажется, на окне. Водичку плесни из кувшина.

Я немедленно исполнил требуемое.

Милочка – сама прелесть. Мадемуазель Обаяние. Уж её-то никогда не иссушала зависть или другие людские пороки, что очевидно – такая она румяная и свежая. Губки – вишенки, щёчки – персики. Посмотрит – как золотым имперiałом подарит. Ну, и всё остальное у неё по высшему разряду. С малюсенькой такой поправкой на классический идеал женской красоты. Топ-моделью ей не быть, наверное... да и слава Богу. Портить подобное совершенство диетами (а пришлось бы наверняка, чтобы добиться требуемой дурацкими модельными канонами «высушенности» наиболее привлекательных для нор-мального мужчины участков девичьего тела) – кощунственно и преступно. Кроме того, она не вышла ростом. Метр шестьдесят два – шестьдесят три. Как Венера Милосская.

Могу добавить – и в этом тоже.

С первого дня знакомства я облизываюсь на Милочку, как кот на сметану, но пока безрезультатно.

– С такими ноготочками тебе непременно следует побывать в кафе «Баскин Роб-бинс», – сказал я задумчиво и поиграл бровями, подразумевая своё присутствие рядом. – Там все ревниво следят, какое мороженое кушает сосед, а значит, замечают и руки, порхающие над вазочкой. Уверен, ты будешь королевой бала!

– Королевой мороженого, – фыркнула она.

Номер с «Баскин Роббинс» не прошёл тоже, грустно констатировал я.

В список ранее предлагавшихся Милочке развлечений уже входили: театры, кино, китайский ресторан, различные музеи, выставки, боулинг, кислотно-экстремальная партизанщина, катание со снежной горки на сноуборде или пятой точке, лыжные прогулки, болгарские пляжи, отечественная дача и парад в честь Дня Победы. Чего скрывать, подразумевалось моими планами, пусть не в первый заход, и продолжение – с доведением взаимной приязни до состояния мечты. В мечтах неизменно фигурировала широкая софа, где мы могли бы сооружать прелестную икебана из двух элементов: нежной лилии, сплетённой с грубым узловатым древесным стволом.

Список постоянно пополнялся, однако любые мероприятия оставались невоображаемыми. И это притом, что я ей, определенно, нравлюсь. Уж отношение-то к себе столь яркой представительницы прекрасного пола я способен разглядеть и распознать превосходно. Скорее всего, Милочка догадывается о продолжении и, как особа, не склонная к спонтанному занятию классическим японским искусством, такого рода продолжений побаивается.

Фантазия моя помаленьку истощалась. Пламень же любовный в груди при виде Милочки униматься не желал. И я подумывал уже иной раз, едва ли не всерьёз, предложить ей прямо и недвусмысленно выйти за меня замуж. Наверное, это судьба...

– Тогда другой вариант, – шепнул я, снова поиграв бровями. – Прогуляемся вечером по парку отдыха трудящихся? Природа пробуждается, радуясь тёплой весне, и мне ведом укромный уголок, где цветут подснежники! Мы возьмемся под руку словно влюбленные, будем щебетать и целоваться в целях маскировки, так что никто не догадается, что мы идем хищнически рвать новорожденные эндемики. Ах, сколь это будет романтично!.. Ну как?..

– В одну повозку впрячь не можно коня и трепетную лань, – симпровизировала жестокосердая Людмила Фердинандовна, демонстративно прикинувшись к чуду вычислительной техники.

«Отстань, жеребец сладострастный», – перевел я для себя безразлично. Играть бровями смысла больше не было. Пришлось настроиться на официальный тон:

– Девушка! – проговорил я предельно строго. – Отвлекитесь-ка на момент от своего пасьянса. Я прибыл по делу, между прочим. Мне, знаете ли, назначено!

Она бесстрастно проглотила «пасьянс» (на экране присутствовала какая-то таблица, даже отдалённо не похожая на карточную колоду), сверилась с записями и кивнула:

– Входите, молодой человек, вас ждут.

Я, как заправский битюг, цокая подковами, звеня уздечкой и тряся гривой, про-рысил в кабинет.

Лишь от идеи ронять на ходу конские яблоки, поразмыслив, отказался.

Выражение радости от встречи на лице Большого Дядьки казалось неподдельным. Рукопожатие его было как всегда крепко, а дружеское похлопывание по плечу – веско. Профиль – всё также аристократичен, выправка безукоризненна, стать – завидна. Белая кость, голубая кровь. Долгих вступлений он не терпел и сразу после приветствий пере-шёл к делу:

– Скажите, дружище, вы, кажется, сейчас не заняты ничем серьёзным?

– Абсолютно ничем, – сказал я. – Институт распустили в бессрочный неоплачиваемый отпуск. Решается вопрос о его окончательном закрытии. Как уродливой цитадели ретроградов, бездарей и мотов. Государственные деньги бросать в прорву бесполезных сегодняшнему дню научных исследований преступно, знаете ли.

– Так вы на мели? – незамысловато срифмовал Большой Дядька.

– Игорь Игоревич! – воскликнул я с укором. – Всё бы вам подшучивать надо мною. Вашими стараниями я вполне прилично обеспечен до глубокой старости. Каковая наступит не раньше, чем мне исполнится годиков тридцать пять. Почти десятилетие в запасе. Служба в институте – хобби, сами, небось, знаете.

Большой Дядька довольно прищурился. Действительно, с его подачи я некоторое время назад оторвал денежную работу за рубежом, выполнил, получил приличный рас-чёт в обще-европейской валюте и мог считать себя ныне вполне справным мужчиной.

– В таком случае, – сказал он, – как вы отнесётесь к тому, чтобы возобновить на-ше сотрудничество?..

Кто такой Большой Дядька, я и сам толком не знаю. С одной стороны, кажется, никакой тайны: Игорь Игоревич Тараканов. Главный редактор «научно-популярного и литературно-художественного» журнала «Взгляд сверху», включённого даже в каталог Роспечати. Тираж журнала не превышает полутора тысяч экземпляров. Печатается в нём всё, что угодно. Последние новости науки и техники, сплетни из Сети, фантастика, хор-рор, достаточно серьёзные исторические статьи и совершенно несерьёзные тоже. Эксклю-зивные рецензии на нашумевшие книги (это, по моему мнению, самое интересное, – ре-цензент во «Взгляде» остроумец и эрудит каких поискать). Интервью с зомби и долгожи-телями, мемуары отошедших от дел вурдалаков, словарь-справочник по криптозооло-гии... Одним словом, винегрет. Но вкусный – подача даже самой распоследней лабуды вызывает уважение к профессионализму авторов, а редакционные комментарии заслуживают номинации на «Золотого Остапа». Оформление номеров пристойное, цена при-емлемая. Тираж журнала растёт на несколько десятков экземпляров с каждой подпиской.

Однако с другой стороны личность и «модус операнди» Тараканова не выглядят для меня столь уж очевидными. Взять, к примеру, национальность. Этакая гремучая смесь, результат совместных, не одного века стараний русского и итальянского дворянст-ва хороших родов с привлечением австро-венгерских и испанских сил. Или, например, гражданство. Двойное, российско-итальянское. Сеньор Тараканни. Князь Тараканов, ес-ли хотите. На закономерный в таком аспекте вопрос о родстве с печальной памяти исто-рической княжной, он обычно зага-дочно улыбается – хоть Мону Лизу дубль два с него рисуй. На зависть маэстро Да Винчи. Кем является Тараканов на Апеннинах, я и подавно не ведаю. А врать не желаю.

Познакомился я с ним в ситуации, которую можно было с полным правом назвать критической. Если быть кратким – я как раз малость повздорил с солидным денежным человеком. Если ещё короче, дал в рыло депутату. А тот взял, да и обиделся. Крепко так обиделся! И сразу стало для меня жутко актуальным временное укрытие какое-нибудь отыскать. А тут подвернулся Большой Дядька. Этот отзывчивый мэн с белоэмигрантской внешностью и неуловимым акцентом душевно вошёл в непростое моё тогдашнее положение и предложил пожить месячишко, а то и два в стране его детства – солнечной Италии. Где я и очутился таким вот неожиданным и негладным (да что там – сказочным) образом уже на следующее утро. Всё было оформлено как командировка на фирму «Марчи-галья» от родного для меня НИИ. Тогда ещё дышащего – хоть и не полной грудью, но пока что не на ладан. Сам Игорь Игоревич любезно согласился сопроводить меня в дальней поездке. А заодно подобрать для журнала материалов об очередном явлении итальянским крестьянам пресвятой девы Марии. Компания его пришлась весьма кстати, поскольку по-итальянски я знал только «паста» да «аморе». Тараканов же трещал без запинки, что неудивительно: родился и вырос в Вероне, Россию впервые посетил в тридцать лет; тогда она и запала ему глубоко в сердце. На всю оставшуюся жизнь.

Мы подружились. Вместе ездили на таракановской машине к морю, к памятникам истории, религии, культуры. Вместе – на футбол. Ещё больше сблизил нас автомобильная авария, произошедшая перед самым отъездом на родину. В ней я так замечательно приложился головушкой к лобовому стеклу, что некоторая часть памяти навсегда покинула меня через образовавшийся в черепе пролом; Большой же Дядька охромел.

Наскоро подлатавши раны, мы отправились в Россию, где лечение всё-таки до сих пор значительно дешевле. А господа с «Марчигальи» даже заплатили мне кое-какие деньги.

И вот что ещё считаю я важным сообщить. О своём сражении с депутатом и последующих итальянских похождениях, в которые любому здравомыслящему человеку верится с немалым трудом, знаю я только со слов Тараканова. Амнезия после аварии получилась аккуратная, как по заказу. События со дня накануне отбытия в Италию до дня возвращения на родину оказались словно бы вырезаны из моей памяти с филигранной точностью. Наводит на некоторые вопросы? Возможно. Только я от них давно отказался. Ответить-то на них всё равно может один Тараканов. Подтверждением правдивости его слов могут служить лишь счёт в банке да отметки в загранпаспорте. Да шрамы на теле, особенно на макушке. Мне пока достаточно.

С тех пор мы продолжали поддерживать тёплые отношения и делать друг другу одолжения. Так, именно я привёз для «Взгляда сверху» ногу гигантского ракообразного, встреченного моим родным дядей-пасечником в лесу. С чудовищем дядя сразился топором и победил, обратив его в бегство. Отсеченная нога осталась трофеем. Ещё я привёз фотографии с места происшествия и развернутое интервью на два десятка страниц. Дядюшка мой Прохор много словен неисправимо. В двухметрового рака-монстра никто так и не поверил, нога же – вот она: в красном редакционном углу, под броневым стеклом. Рядом с фосфоресцирующим периодически обломком летающей тарелки и чучелом детёныша водяного. Чучелом, которого отчего-то жутко боятся кошки и девственницы. Милочка, например, аж до алебастровой бледности боится этого семивершкового уродца с жабьей харей.

Поручения Большого Дядьки были всегда заняты, я брался за них с удовольствием. Да и взглянуть в который раз на Милочку вовсе не казалось мне лишним. Свидетельства о выполнении этих поручений присутствуют здесь же, рядом с артефактами, добытыми для Игоря Игоревича кем-то ещё. Вот некоторые из них.

Обычная детская погремушка советских времен, довольно невзрачная, в виде птички. Цена 7 коп. Звуки, издаваемые ею, за считанные секунды приводят самого горького пьяницу, находящегося в крайней степени алкогольного опьянения, в состояние кристальной трезвости. В дальнейшем «обработанный» этой птичкой гражданин употреблять спиртные напитки не может физически. Вся партия погремушек, выпущенная как ширпотреб Белорецким метал-

лургическим комбинатом в мае 1972 года, была объявлена опасной для здоровья детей и уничтожена вместе с конструкторско-технологической документацией. Государство не пожелало терять сверхдоходную статью бюджета.

Деревянная ложка. Самодельная, потемневшая от старости, работы безвестного лошкореза. Приложенная к обнажённому человеческому телу, ползёт, разыскивая добро-качественные опухоли. Найдя, приклеивается и тоненько скрипит. Скоро все следы опухолей исчезают, и ложка сыто отваливается. Совершенно здоровому организму вредна – от её бестолковых метаний в поисках новообразований разыгрываются мигрени и крошится зубная эмаль. Рост злокачественных опухолей она также задерживает – но, увы, ненадолго.

Живая пушистая сосёнка. Полуметровая, с сильным хвойным запахом. Растёт прямиком из цельной глыбы гранита. Камушек весит около сотни килограммов. Сосёнка в поливке и подкормке не нуждается, никакими чудесными свойствами не обладает.

Пачка китайских дрянных фломастеров, двенадцать цветов, к которой Большой Дядька близко никого не подпускает. «А кто без спроса возьмет, руки оторву», – говорит он как всегда мягко, и я склонен ему верить. Оторвёт.

Бивень мамонта. Обычный ископаемый бивень, простреленный пулей крупного калибра. Её деформированный конец торчит наружу, а входное отверстие почти затянулось костной тканью. Получается, что животное словило огнестрельный гостинец ещё при жизни.

Бутылка залитого сургучом вьетнамского бальзама для повышения потенции. Главный персонаж – морской конёк, плавающий в чайного цвета спиртовой настойке из экзотических растений. Рыбка двигает плавниками, шевелит жабрами, изредка гадит и вообще – демонстрирует бодрое поведение живого существа. Непонятно лишь, чем она питается. Собственными экскрементами? Вьетнамец, специалист по точечному массажу и иглоукалыванию, приглашённый Большим Дядькой для консультации, был абсолютно убеждён, что конёк есть морской дух, скорее злобный, нежели добрый. Посему открывать бутылку он настоятельно не советовал, а советовал утопить от греха в море-окияне – по возможности глубже и скорее.

Фотографии. Игорь Игоревич в пробковом шлеме возле самки мадагаскарского эпиорниса, сидящей на яйцах. Головы птицы, считающейся истреблённой ещё в XVII веке, и человека – вровень.

Игорь Игоревич рядом с первым Президентом России и его другом – толстым гигантом, бывшим Канцлером Германии. Все одеты по-походному, с видимым усилием держат на вытянутых руках безвольно обвисшее тело не крупного плезиозавра. Из пасти животного свисает блесна «Атом № 2»; сломанный спиннинг – в левой руке Большого Дядьки. Головы людей – почти вровень, но Игорь Игоревич всё-таки малость повыше сановитых рыболовов.

Игорь Игоревич и самый скандально известный российский олигарх. Ничего особенного, одеты как бедуины, беседуют, пьют шампанское на фоне новенького, совершенно целого, блестящего свежей позолотой Большого Египетского Сфинкса. Пирамид ещё нету. Олигарх – едва по плечо Большому Дядьке.

Портрет Патриарха Всея Руси с личным автографом.

Портрет Папы Римского с личным автографом.

Прямо над ними – портрет Филиппа Капралова; тоже с личным автографом.

Это, разумеется, шутка. На самом деле мой портрет располагается у Тараканова на столе. Снимок общий, редакция «Взгляда сверху» в полном составе. Все стоят, кроме меня. Я возлежу у Милочкиных ног, опершись на локоть, и глаза у меня мечтательные.

– ...Возобновить наше сотрудничество? Да со всем возможным энтузиазмом! – заверил я Игоря Игоревича. – Что требуется на этот раз?

– Хм. – Тараканов наморщил лоб. – Для начала прочесть небольшую рукопись, которую я вам сейчас вручу... вот, держите... а также попытаться устроиться в одну из организаций,

список которых я вам предоставляю. Только в одну, на ваш вкус. Загляните, полюбопытствуйте, не нужен ли работник. Примутся гнать или ещё как проявлять нега-тивное к вам отношение – уходите немедленно. По прочим адресам более не суйтесь. Начнут интересоваться, какими ветрами вас к их берегам прибило, скажите, по объявлению, дес-кать, в газете...

– И по велению сердца и потому ещё, что кушать хочется, а на месте прежней ра-боты вежливо попросили погулять до особого распоряжения... Не извольте сомневаться, наплету с три короба, – заверил я его, но на всякий пожарный уточнил: – А объявления точно были?

Я скоренько пробежал глазами список. Частные охранные предприятия, числом четыре, детективное агентство, агентство по трудоустройству, штаб-квартира какой-то религиозной секты (церкви «Новое слово»). Любопытный подбор.

– Ну конечно, были, – сказал Игорь Игоревич задумчиво и покатав по столу иде-ально зачищенный карандаш. Глядел он исключительно на него. Затем спросил: – Фи-липп, скажите, как вы относитесь к сатанистам?

– К таковым не отношусь, – насколько сумел серьёзно ответил я. – По моему глу-бокому убеждению, это либо проходимцы, либо психи законченные. Либо мальцы – не-зависимо от числа прожитых лет – неразумные, под недоброе влияние проходимцев и психов попавшие. Я же, хочется думать, не таков. Тяготее более всего к русской право-славной парадигме. По мере сил и объективных реалий, разумеется. А вы что, материал по ним готовите?

– Вот-вот, – сходу согласился Тараканов, – материал. Потенциально, «бомбу» с высоким тротиловым эквивалентом. Есть мнение, будто некие могущественные силы взялись объеди-нять жидкие до тех пор ряды сатанистов нашей губернии, создавая из них жизнеспособную организацию со всеми вытекающими... Вербуют новобранцев, создают повсеместно партий-ные ячейки – «шрастры», обзаводятся «мозгами» и «кулаками». Де-нег не жалеют. Охранные предприятия, список которых вы держите в руках, с высокой долей вероятности и являются такими «кулаками». Детективное агентство из списка – «глаза и уши». Частная биржа труда – пункт вербовки рекрутов, так же, как и лже-церковь. Ваша задача, если возьмётесь, такова: не влезая в собственное расследование и не проявляя излишнего любопытства, потереться вблизи, присмотреться и сделать резю-ме – то это или нет.

– Игорь Игоревич, а это точно наше с вами дело? – вкрадчиво спросил я. – Быть может, лучше передать материалы куда следует, пускай там с ними разбираются? Как бы не получилось оказаться между молотом и наковальней.

– Бойтесь? – произнёс он как будто даже с облегчением. – Если так, откажитесь. Осуждать не буду.

– Не столько боюсь, сколько проявляю разумную осторожность. Вот начну я там работать, пообживусь, глядь – а вокруг уж ОМОН с автоматами. Бьют меня прикладами по чему попало, а ногами так вовсе в промежность метят. И попадают, разумеется, по-скольку тренированы попадать... Очень мне не хочется в промежность сапогом получить.

– Так вот вы о чём беспокоитесь, – сказал с некоторым облегчением Игорь Игоре-вич. – ОМОН, Филипп, – это пустое, его нужно опасаться в последнюю очередь. ОМОН без приказа от власти предержащей никого по чему попало, а уж тем паче по... хм, гени-талиям бить не станет, верно? А приказа, будьте уверены, не поступит. В том-то вся соль, Филипп, в том-то и перец, что власти оказывают новоявленным слугам бесовым какое-то подозрительное участие. Теплоту оказывают. Выделяют помещения из губернских фон-дов на немыслимо льготных условиях. Оргтехникой пособляют, кредитами, связью. Ти-пографию неплохую в одном из рай-центров за бесценок продали. Всего не перечислишь. Эта в высшей степени странная любовная связь длится вот уж в течение почитай, полу-года. Подарки преподносятся тишком, без помпы, но кое-какая утечка информации слу-чилась. Крошечная, ничтожная, почти никакая. Жидень-кий такой информационный ру-чеек. Струйка, почти сразу пересохшая. А вернее – надёжно затоптанная. Но всё-таки ус-пела просочиться эта струйка по нужному адресу. Что скрыто за

этим... хм, «почтовым ящиком», вам, Филипп, знать ни к чему. Не обижайтесь. Замечу лишь, что он имеет бо-гатую важными для державы событиями многовековую историю. А также непосредст-венное, хоть и не афишируемое отношение к... хм... – Он замялся и принялся с громким шуршанием елозить задом по креслу, а карандашиком постукивать по столу. Такую при-вычку замечал я за ним и раньше. Видимо, движения эти каким-то образом помогают ему сконцентрироваться. Подобрать подходящую, достаточно обтекаемую формулиров-ку. Наконец он успокоился и медленно выдавил, с сомнением вслушиваясь в произноси-мые слова: – ...К известной негосударственной организации. Объединяющей официаль-ных носителей той самой православной парадигмы, которая вам, дорогой Филипп, столь близка. – Сказанное ему не понравилось, он поморщился и добавил: – Отмечу в скобках, один лишь раз, хоть и не сто-ило бы вообще. А вздумаете уточнять да переспрашивать – отопрусь от сказанного. – Он прекратил мучить карандаш, пристроил его аккуратно в стаканчик и поднял на меня глаза. – В такой вот... хм, перспективе. Решайте, Филипп. Больше я вам ничего не скажу.

«Ничего себе! – подумал я с восторгом, чутьчку обмирая от обилия постигнутых стр-р-рашных тайн, наполняющих, оказывается, закулисье и изнанку привычной жизни. – Ай да Тараканов, ай да редактор беззубого развлекательного журнальчика! Какие у не-го, однако, связи! Не зря, видно, развесил он на стенах портреты церковных иерархов. Любопытно, что он имел в виду под “почтовым ящиком”, связанным с официальными носителями православной парадигмы? Этакий “Отдел особых операций” при Священ-ном Синоде? Ого!»

Мне тут же представился потаённый монастырь в пещере, где терпеливо ждут своего часа бородатые боевые иноки со скорострельными распятиями, вот такими кула-чищами и знанием древнерусских боевых единоборств. А так же очаровательные мона-шенки с сереб-ряной шпилькой-стилетом в пышных волосах и шёлковой удавкой на запя-стье. Мне предста-вились особые операции по всему свету, горящие под лучами солнца гробы с издыхающими в страшных муках вурдалаками и тщательно срежиссированные самоубийства особо опасных еретиков. Мне представились остроумные комбинации по изъятиям христианских святынь из запасников контрабандистов, грабителей храмов, толстосумов-коллекционеров и следую-щие за изъятиями утопления кощунников в нуж-никах и унитазах. Мне представилось, как крупнейший церковный сан лично благодарит меня за службу, награждает чудотворным кипа-рисовым нательным крестом, отпускает все грехи ныне и присно и во веки веков, аминь, а затем самая прекрасная из «особых» монашенок, поразительно похожая на Милочку, одари-вает своей неземной любовью. Мне представилось...

– Ну, так как? – крайне несвоевременно вторгся в поток увлекательных фантазий Игорь Игоревич.

– Не отказываюсь, – сказал я поспешно. – Рукопись, полагаю, по тому же ведом-ству проходит? – Я был невиннее ягненка, но лукавей матёрого лиса.

Тараканов на подначку, однако ж, не купился.

– По какому ведомству? – воздел он удивлённо брови, показывая, что обещание отпи-раться от связи с секретным отделом Русской православной церкви (или всё-таки Ватикана?) держит крепко. – Не понимаю, о чем вы. Ведомства какие-то выдумали. Ру-копись поступила в журнал обычным порядком. Автор анонимен, обратный адрес – главпочтамт, предъявителю паспорта такого-то, до востребования. Меня в ней заинтере-совали некоторые любопытные подробности. Которые, скорей всего, и вас не оставят равнодушным. Почитайте, поразмыс-лите. Вот вам аванс. – Он протянул мне раздувшийся от содержимого почтовый конверт с изображением Рублевской «Троицы». – Расписы-ваться нигде не нужно. Возьмите на всякий случай и это.

В его руках возникла элегантная жёлтая подмышечная кобура из свиной кожи с неболь-шим пистолетом внутри. Судя по значку на рукоятке, то была «беретта».

– Берите-берите, – подбодрил он меня. – Пистолет «чистый», мой собственный. Так, что еще?.. Патроны, дополнительная обойма, бумага из оружейного магазина. Инструкции, – он развёл руками, – увы, на итальянском. Ну, да вы и так разберётесь. Разрешения на ношение, к сожалению, пока предоставить не могу. Постарайтесь не отсвечивать.

– Мне не нужно, – сказал я убеждённо, неимоверным усилием воли отводя предательский взгляд, жадно ласкающий изумительные формы смертоносной вещицы. – У меня газовик есть, и довольно. Мы люди мирные.

– Газовик – баловство. – В голосе Тараканова звякнул металл. – Послушайте доброго совета, Филипп, не брыкайтесь, – заметно более мягко продолжал он. – Разрешение оформите самостоятельно. Помнится, у вас имеется знакомый околоточный пристав в отеческом селе и знакомый психиатр здесь? Кажется, ничего сверх того для получения разрешения и не требуется?

– У вас превосходная память, – похвалил я его, пытаясь вспомнить, когда это рассказывал Большому Дядьке о знакомстве с обворожительной Юлечкой Штерн. И не наплёл ли при том лишнего, интимного, для широкой известности не предназначенного?

– Замечательно. Значит, проблем не возникнет. Съездите к родным осинам...

– К ёлкам, – скрупулёзно поправил я.

– Ну да, разумеется, к ёлкам! Так вот, съездите, проветритесь. Зарегистрируете пистолет. Почитаете рукопись. Уверен, там, среди ёлок, она будет восприниматься особенно ярко. Сами увидите! Вернувшись, пойдете по адресам. Повторяю: вернувшись, Филипп, и не ранее. Больше не смею вас задерживать.

Поняв, что меня тактично выпроваживают, я смахнул оружие и деньги в спортивную сумку, поверх тяжелоатлетического пояса, пропотевшей на тренировке одежды и обуви, и откланялся.

Проходя мимо Милочки, я был остановлен лёгким, но властным жестом изящных намянирюренных пальчиков.

– Филипп, насчёт подснежников... Ты меня в самом деле не разыгрываешь?

Сердце сладко дрогнуло: «Неужели?!»

– Да ни боже мой! – воскликнул я. – Истинная правда! Цветут, шалопаи!

– Хорошо, я согласна. Только обещай: рвать их мы не станем.

– Клянусь моей треуголкой! – воскликнул я, со рвением прижимая бейсбольную кепку к груди.

Она посмотрела на часики.

– Рабочий день кончается меньше, чем через полчаса. Подождёшь?

Я ответил без слов, одним взглядом, но он оказался столь красноречив, что Милочка рассмеялась и самую чуточку порозовела.

Уходя переодеваться, Милочка оставила меня на скамейке около подъезда.

– Мама – ужас, какая строгая! – объяснила она своё нежелание пригласить меня в дом. – Может и не отпустить с таким явным жуиrom.

– Это я-то жуир? – от всей души возмутился я. – Да парня скромней меня на сто километров в округе не сыщешь.

– А как же глаза всепобеждающего героя-любовника?

– Глаза? Мои? (Она утвердительно кивнула.) Подумать только! И какие же они у героев-любовников?

– Про других не знаю, а у тебя – хитрые и блестящие. В них отражаются десятки уже одержанных над женщинами викторий и сотни викторий грядущих. А твой голос?

– Ещё и голос?

– Ну да. Тембр знаешь, какой чувственный? Ужас! Нет, маме лучше не знать о существовании Филиппа К. вообще. И как только я, неискушенная девушка, краснеющая при виде киношных поцелуев, решилась уступить твоему напору?

Она упорхнула.

Беда, думал я, наблюдая недвусмысленное топтание голубя-самца перед голубкой – с раздуванием груди, клёкотом и прочими проявлениями дешёвой саморекламы. Выходит, я со стороны выгляжу ничуть не лучше этого самовлюбленного идиота, озабоченно-го единственным желанием – порочным и легко читаемым? Ай-яй-яй! Пора кардинально менять имидж.

Милочка появилась неожиданно скоро, одетая в высшей степени целесообразно: джинсы, сапожки, яркая курточка, вязаная шапочка с помпоном. Я с удовольствием подумал, что моя избранница не только прелестна, но вдобавок и сообразительна. Апрель месяц, как-никак. В парке модный вечерний туалет был бы неуместен.

Мы погрузились в испытанный мой «Рэнглер» и покатили.

Автомобиль пришлось оставить за воротами парка. Внутри была отличная широкая дорога, но только для пешеходов, велосипедистов и спецмашин. Пройдя по ней с полкилометра, мы свернули на асфальтированную тропку. К счастью, тропка доходит почти до места произрастания подснежников. Месить ногами весеннюю грязь не придёт-ся.

Невдалеке, хорошо видимый за голыми деревьями, виднелся высокий бетонный забор. Изредка слышался лязг металла. Над забором вздымались металлоконструкции козлового крана и грандиозные, густо дымящие трубы.

– Не могу представить, какому умнику пришла в голову гениальная мысль разбить городской парк рядом с заводом, – сказала Милочка.

– Я – тем более, – подхватил я.

Обсуждая идиотизм градостроителей, мы прошли по тропинке совсем немного, когда Милочка сжала мой локоть значительно крепче, чем прежде. Причиной послужила открывшаяся нам картина непринуждённого мужского застолья на лоне природы.

Отдыхали, по-видимому, после рабочего дня, трудящиеся того самого соседнего завода. Они даже не переоделись, так и были в спецовках. Возможно, и вовсе тайком удалились расслабиться со второй смены. Вот мастер-то обрадуется, когда они вернутся захорошевшие! Сидели мужички на ящиках, вокруг парковой скамейки, на которой ца-рила трехлитровая банка, наполовину заполненная прозрачной, отливающей синеватым, жидкостью. Не то уворованным техническим спиртом, не то другой какой «тормозухой». Дополняли натюрморт большая пластиковая бутылка с минеральной водой, пощипанная буханка хлеба и пара вскрытых банок тушёнки.

Выпивали граждане деловито, нешумно, из чистых гранёных стаканов, и на нас не обратили ни малейшего внимания. Разговор вёлся, похоже, о большой международной политике. Сразу видно – не шпана какая, люди степенные.

Расслабилась Милочка только при виде цветов. Восхищённые восклицания славной девушки и её неподдельно восторженная улыбка наполнили моё сердце радостью. А благодарственный сестринский поцелуй в щёчку стал побудительным мотивом к более решительным действиям. Я легонько придержал её за талию, и смело приник к мягким губам. Она, было, ответила, хоть и не совсем уверенно (или не совсем умело?), но скоро опомнилась. Должно быть, напугалась увиденных с близкого расстояния «хитрых» глаз искушенного ловеласа – поскольку своих васильковых глаз она во время поцелуя не закрывала. Удивительно, но смущение, последовавшее за моментом кратковременной и столь невинной близости, было взаимным. Милочка спрятала своё, присев к подснежникам и опустив к ним лицо. А я просто улыбался – совершенно по-дурацки. Определенно, по-дурацки.

Я несколько раз щёлкнул Милочку на «мыльницу» рядом с цветами, и мы отпра-вились в обратный путь. Самую малость потемнело – набежали облака. На этот раз мы просто держались за руки, как первоклашки, но ладонь Милочки была так горяча, что я дышал вдвое чаще, чем обычно...

Наверное, как раз поэтому до меня дошло, что дело наше неважно, а грубее говоря – дело швах, слишком поздно.

Химические присадки, добавляемые в тормозную жидкость, были тому причиной или просто дурманивший весенний воздух, однако сложную работу мозга господ выпивающих подменил набор простейших команд на уровне инстинктов. А именно: бей-круши и вали-пользуйся. На роль сокрушаемого по их мнению лучше всего подходил я. На роль используемой – моя спутница.

Я прикрыл даму телом и начал помаленьку пятиться, одновременно пытаюсь про-извести оценку обстановки. И был вынужден признать, что сложилась она отнюдь не в нашу пользу. Раззадорившиеся пролетарии оказались не настолько пьяны, чтобы дви-гаться неуверенно и вразнобой, а настолько, чтобы превратиться в грозную для окру-жающих стаю, сплочённую общим противоправным интересом. Они как раз дошли до той кондиции, когда море уже вполне по щиколотку, но и земная твердь ещё не ускольза-ет из-под ног. По счету их выходило ровно пять, как пальцев на руке (на которые они по своим пропорциям и поведению смахи-вали) и все они были вооружены. Разнообразно, но зловеще. «Большой палец», самый пожи-лой, коренастый и бородатый молчун, сжимал в тяжёлом кулаке обломок толстенького бруса, вырванный из порушенной парковой ска-мейки. «Указательный» – белобрысый хлыщ с угре-ватым лицом и широким губастым ртом, поигрывал ножичком и подвизался в роли застрель-щика-смутьяна, первым зама-хавшего руками в нашу сторону. «Средний» – сутулый верзила намного выше среднего роста с лошадиной рожей, вооружился «розочкой» из бутылочного горлышка. Так же, как и тощенький «мизинчик». Варварским этим оружием они обзавелись только что, на наших глазах. Нестандартных бутылок, обойдённых вниманием сборщиков стек-лотары, предостаточно валялось под каждым кустом. Хулиганам оставалось только отбить до-нышки об бетонные опоры скамейки, что они и проделали со сноровкой, показывающей изряд-ный опыт. У «мизинчика» повадка была кривляющаяся, рот наполовину металли-зирова-нный, – сразу виден гражданин, побывавший в местах принудительного заключе-ния. «Безы-мянный палец» – самый неприметный: среднего роста, телосложения, внешне-сти, в очочках и с боевым предметом отвёрткой. Из нагрудного кармана спецовки вы-ставляется кончик штан-генциркуля и колпачок авторучки. Этаким слесарь-интеллигент, слесарь-аристократ. Ухмылки у всех были преотвратные, добра и любви к ближним не сулящие. Разве что любви насильной, низменной, некрасивой и во всех смыслах подне-вольной.

В моём распоряжении, кроме рыцарской мысли биться за даму до последнего ды-хания, имелось трезвое отношение к реальности, тренированное тело – жаль, не специа-листа по чле-новредительным единоборствам, а культуриста-эксбициониста, и подарок Большого Дядьки. Девятимиллиметровый пистолет фирмы «Беретта». Модель «Кугуар-мини», с удлинённым магазином на пятнадцать патронов. Пистолет, на который, в отли-чие от официально зарегистрированного газового «Вальтера», валяющегося где-то дома, я не имел ни малейших прав. Так что не только подстрелить кого-то из злодеев, но даже попытаться напугать их пальбой в воздух и под ноги мне не улыбалось. Попробуй толь-ко! Сбегутся стражи покоя горожан в серой униформе, заарестуют и в два счёта препро-водят туда, куда следует отправлять воору-жённых огнестрельным оружием, да ещё и применяющих его по людям отмороzków.

Милочка держалась молодцом. Она не паниковала и уже успела извлечь из су-мочки аэрозольный дезодорант. Это она правильно сделала, с удовольствием отметил я. Порция аро-матной жидкости, попавшая в глаза, может на некоторое время вывести мо-рально не слишком стойкого человека из круговорота бытия. Ещё Милочка извлекла на свет пилочку для заточки

ногтей, которую я тут же у неё отобрал. Она не огорчилась, и место пилочки заняли маникюрные ножницы.

Всё-таки женская сумочка – кладёзь неожиданных, подчас неожиданно полезных предметов!

Первым статус-кво решил нарушить верзила. Он прервал криком: «Да чё там базарить, уе. ть ему, петуху, по чану, да и всё!» нецензурно-приблатненный, издевательский диалог «мизинца» и «указательного». Те как раз живописали товарищам в самых неприглядных видах нас с Милочкой, нашу судьбу на ближайшие минуты и что-то ещё. Что-то, связанное с лелеемыми в нехороших мечтах хулиганов половыми отправлениями. Приободрив тем самым себя, мужик скорым шагом приблизился (я шагнул навстречу, задвинув Милочку за ствол березки) и протянул тёмную, пахнущую соляром мозолистую руку к району моей глотки. Очевидно затем, чтобы, сжав покрепче, произвести другой рукой – с зажатой в ней «розочкой» – заявленное насилие. По чану. Однако я успел его опередить: пнул по голени и добавил жёсткую оплеуху. Поскольку «беретта», даже стоящая на предохранителе, обладает некоторым весом и приличной твёрдостью, инерция удара, пришедшегося в голову, повергла задиру наземь. «Минус один», – констатировал я с удовлетворением; собратья же павшего верзилы восприняли мою удачу как личное оскорбление.

Отбиваться от четвёрки разъярённых мужчин оказалось сложновато. Я счастливо избежал первой атаки ножа и острых бутылочных стекол. Носителю отвертки удалось ткнуть меня в задницу, но попал он в кошелёк, лежащий в кармане джинсов... Зато крепкий деревянный брус перехватил меня поперек спины, на уровне поясицы, отбив процентов тридцать дыхания. Я нырком выскочил из «котла», попутно покалечив пистолетной рукояткой «мизинца» – тот выронил бутылочное горлышко и присел, хныкая над свеженьким переломом предплечья. Во время последующего разворота навстречу опасности меня догнал новый удар бруса, в этот раз вскользь, зато по лицу. Из надорванной брови потекла кровушка. Я ткнул левой рукой в сторону накатывающегося «интеллигента» и попал. Милочкина пилка осталась у него глубоко в ноздре, сделав его ещё более незаметным, чем прежде, – что в общем-то парадоксально, учитывая столь экзотическое украшение. Только по звукам стонов можно было ориентироваться в его поисках, случись кому организовать таковые в ближайшие минуты. Да, пожалуй, по нечестным бликам света, играющим на вновь приобретённой «фенечке».

Бородатый обладатель дубины, дважды уже поразивший меня, продолжал насеждать, и приходилось малодушно пятиться, утирая с глаза активно бьющую из рассечённой брови кровь. А вот хитрый «указательный» сообразил, что найдется жертва и полегче. Захват девушки в заложницы и приставление ножа к её нежной шейке, решил он, заставит кавалера тут же опустить лапки. Милочка прыснула ему в угреватую морду своим химическим оружием, но на пьяного и буйного мерзавца оно не произвело почти никакого действия. Разве распалило ещё больше. Он заорал на девушку грубо и напористо, да вдобавок замахнулся ножом. Психическая атака принесла негодю определённые плоды. Милочка расплакалась, закрывая лицо руками в классическом жесте беспомощности. Не-годяй возрадовался и хозяйски ухватил её за плечо, принуждая убрать руки от лица. Милочка руки опустила... и с малым замахом воткнула маникюрные ножницы в область гениталий похотливого животного. Эффективность воздействия блестящего предмета гигиены нужно было видеть!

А тут и я изловчился попотчевать последнего активного противника кулаком в живот. Он выронил брус и тут же потерял всякий интерес к продолжению схватки.

Возникших людей я сперва принял за сообщников хулиганов и едва не впал в отчаяние. Но подвижные ребятки, одетые просто и однообразно – в серые брюки и чёрные джинсовые куртки, были, оказывается, на нашей стороне. Они добавили короткими арматурными прутьями тем мерзавцам, которым по их мнению «не хватило», затем сковали наручниками и

побросали в подкативший пикап производства североамериканского автомобильного концерна Форд. Попрыгали внутрь сами, и пикап отвалил.

Оставшийся паренёк – лицо открытое, приветливое и серьёзное, плечи широкие, ноги колесом, кепка-восьмиклинка набекрень – протянул мне влажную марлевую сал-фетку с сильным запахом лекарств, и спросил у Милочки:

– Вам нужна помощь, девушка?

Она отрицательно помотала головой и поспешила прийти на выручку истекающему кровью кавалеру. От нежных прикосновений её добрых рук, умеющих не только холостить насильников, но и обращаться с ранеными товарищами, мне враз полегчало.

– Слушай, братишка, давай-ка начистоту. Вы вообще-то кто такие есть? – полю-бопытствовал я, отнимая салфетку от лица. Салфетка успела приобрести насыщенный алый цвет, свойственный моей крови, имеющей высокий уровень гемоглобина.

– Дружинники народные, – хохотнул тот.

Я улыбнулся уголком рта, показав, что шутка оценена.

– А точнее?

Парень покопался в карманах и протянул мне твёрдый прямоугольник визитки.

– Хочешь узнать точнее, позвони по этому номеру. – Он подмигнул: – Ещё лучше будет, если зайдешь лично. Ты мне понравился, держался неплохо. Навык виден. Но видно и отсутствие тренировок, так? Или на пистолетик надеешься?

– Староват я стал для тренировок, ленив. Да и не думал, что придется ещё когда-нибудь руками махать, спасая жизнь и достоинство. – Я упрятал «беретту» подальше. – Но позволь узнать, дяденька, о каком пистолетике ты говоришь?

– Ни о каком, – быстро сказал косолапый, делая успокаивающий взмах рукой. – Обо-звался впопыхах. А тренировки забросил напрасно. Аморфность губит наше общест-во. Лениость и покорность дуре-судьбе. В общем, приходи, если надумаешь. Деньги у нас платят хорошие, работа, как видишь, благородная. Да и в старики тебе рано записывать-ся, девушка не одобрит. До свидания, – приподнял он кепочку, – простите, что опоздали.

– Бывай здоров, дружинник, – проводил я таинственного молодца напутственным сло-вом.

И тут Милочка расплакалась всерьёз.

Дневник Антона Басарыги. 12 апреля, суббота.

Если уж и начинать дневник, то в день, чем-либо выдающийся из череды прочих, решил я. День Космонавтики – то, что нужно. Дата, наполняющая сердце патриота гор-достью за слав-ные свершения предков. Я – патриот, чего ничуть не смущаюсь. К космо-навтике тоже имею кое-какое отношение. ВИК – аббревиатура моей специальности в реестре оконченного с блес-ком Вуза. «Воздухоплавание и космонавтика», – шутливо расшифровывали студенты и пре-подаватели. «Водоснабжение и канализация», – без ма-лейшего намёка на веселье возражали им строгие факты.

Рассудила спорщиков запись в дипломе, разночтений не допускающая.

На первом курсе я был старшим в группе. За моими плечами вздымались год ра-боты на заводе, служба в ВС России и рабфак. На фоне абитуры – семнадцатилетних мотыльков и мотылиц, зачастую не потерявших ещё прыщей и девственности, я, тёртый парень двадцати одного года, смотрелся если не Мафусаилом, то как минимум перцем. Мне так и говорили: «Да ты, Антоха, перец!» Неудивительно, что именно меня назначи-ли старостой группы.

Моя родина, городок Старая Кошма, которую медленно, но верно всё глубже вса-сывает в себя урбанический спрут губернского центра, оставалась тогда ещё независимой администра-тивной единицей, посему мне, как иногороднему, полагалось общежитие. Общежитие строй-

фака, вотчины нашего ВИКа, подвергалось вялотекущему капремонту, и студиязусов – будущих строителей и дипломированных сантехников, расселили по чужим краям. Первый курс, как наименее распушенный, ввергли в пучину инжэка, где, как известно: «куда ни плюнь – девка». Вторая часть этого летучего выражения представляется мне человеконенавистнической и дискриминационной по отношению к женской половине человечества, и я приводить её здесь не буду. Тем не менее, девушек вокруг имелось в самом деле предостаточно. Известна ещё одна крылатая формула, характеризующая отношение студенток к такой важной составляющей нашей жизни, как секс. Её придется написать целиком.

Итак: «На первом курсе – никому-никому. На втором – никому, только ему одному. На третьем – только ему... ну, и ещё кое-кому. На четвёртом – всем-всем-всем. На пятом – ах, кому бы, кому?!» Если даже формула эта справедлива лишь для одной де-вушки из десяти, всё равно понятно, что в сексуальных приключениях недостатка у меня не было. Тем паче, самые задорные студентки-старшекурсницы в аккурат были близки мне как по возрасту, так и по темпераменту. И, кстати, вовсе не пугались «старого солдата и рабфаковца», подобно малюткам-однокурсникам. Однако, справедливости ради, следует сказать, что и среди последних встречались ой какие разные... Словом, интимная жизнь моя на первом курсе протекала бурно, была насыщена до предела и даже сверх того. На учебу времени практически не оставалось.

С грехом пополам, скользя по краю пропасти почти вслепую (половой беспредел, совмещенный с невоздержанностью в винопитии, зрение туманит – будь здоров!), я сдал летнюю сессию, имея по ходу несколько тяжёлых продолжительных разговоров с замес-тителем декана по младшим курсам. Упрятав зачётку с последней росписью преподавателя физики возле крошечной оценки «удовлетворительно», я твёрдо решил изменить жизнь.

С каникул я вернулся на две недели раньше начала занятий. Всё это время посвя-тил одному – выбиванию в личное пользование комнаты, свободной от сожителей. Все-ми правдами и неправдами, лестью, пламенными речами, жалобными стонами, подку-пами явными и косвенными мне удалось добиться своего. Комнату мне предоставили на этаже семейных студентов. Разумеется, в ней были прописаны ещё два паренька (меньше никак не выходило), но они присутствовали в ней только формально. Один снимал бла-гоустроенное жилье со столо-ванием и прачечным обслуживанием в городе, за немалые деньги. Он был отпрыском состо-ятельных провинциалов. Другой жил, а вернее, сожи-тельствовал, с «матушкой». Для непо-свящённых: со старшей, чем он сам, любовницей, обременённой к тому же ребёночком. С сыном богатых родителей проблем не возникало; к альфонсу же приходилось наведываться раз в месяц, дабы распить совместно бутылоч-ку винца. Иначе он, истосковавшись по студен-ческой вольнице, мог заявиться с этой са-мой бутылочкой в гости. Как водится, в наиболее неподходящее для того время.

Дела учебные сразу пошли на лад, удалось справиться и с чехардой половой жиз-ни. Постоянной подружки пока не находилось, однако с беспорядочными контактами было покон-чено навсегда.

Под занавес третьего курса, когда взоры мои прояснились окончательно, я разгля-дел ЕЁ. Мы и раньше встречались, как-никак общага – она вроде казармы: все всех знают хотя бы в лицо. Но я, привыкший к лёгким победам над уступчивыми озорницами, счи-тал Ольгу страшной задавакой, с которой мне ничего не светит. Она была девушкой от-крытой, общительной, щедро одаренной по всем статьям. Стройна, гибка, грациозна в движениях, крайне привлека-тельна лицом – серые глазищи, небольшой нос идеальной формы, брови вразлёт, необычно очерченный рот с приподнятыми в постоянной полу-улыбке уголками красивых губ. Но в то же время была она как бы над всеми. От неё ис-ходил какой-то непонятный магнетизм, будо-ражающий синапсы, отвечающие за сферу любовного томления, заставляющий чувствовать себя мужчиной-героем, мужчиной-рыцарем, поэтом; было в ней что-то колдовское, царственное,

что ли, – словно неуловимый отблеск изначальной чувственности праженины Лилит. Парней возле неё вилось предостаточно, гораздо больше, чем хотелось бы мне. К счастью, всех их она умела держать на расстоянии. Или, скорее, на привязи. На таком незримом волшебном ремешке – потянет еле-еле, и породистый волкодав танцует на задних лапках, с обожанием заглядывая ей в глаза, цыкнет – и вот он уже послушно трусит за ней следом, в глубине души лелея безумную мечту облизать руки прекрасной хозяйки. Мне иногда казалась что она – ведьма.

Сейчас я в этом уверен совершенно.

Впрочем, я забегаю вперед.

Чего мне стоило привлечь её внимание, не оказавшись на цепочке, среди своры бессчётных воздыхателей-неудачников, знаю только я.

«Разбиватель сердец» Михаила Веллера стал мне библией и уставом.

В конце концов я отрёкся от первого и преступил второе.

Когда я уже готов был сдаться, ударившись с горя во все тяжкие, Ольга неожиданно растаяла. Как призналась она позже, делать вид неприступной красавицы в то время, когда дышалось ей по отношению ко мне уже весьма и весьма неровно, было дьявольски трудно.

В общем, мы пали друг другу в объятия совершенно к этому созревшими.

Между прочим, бедные кавалеры, пошедшие безнадежно по боку, верить тому отказывались категорически и продолжали настойчиво на что-то надеяться. Я, единственный обладатель сокровища, принимал их существование снисходительно.

И тут появился этот красавчик с обложки дамского романа. Высокий, мускулистый, раскованный в манерах, с роскошной ухоженной шевелюрой, серебряным кольцом в ухе и серебряной цепочкой при скромном крестике на крепкой шее. Очень молодой, но нахальный взглядом; с голосом, приводящим богатыми обертонами девичьи души в состояние полной и восторженной покорности... В общем, соперник, причем преопасный. Он был само воплощение мужественности – девушки западали на него сходу. Этим он чертовски напоминал Ольгу, разумеется, с поправкой на пол. И, в отличие от Ольги, он пользовался собственными чарами на полную катушку – шалил вовсю.

Ольга почему-то принимала его ухаживания благосклонно.

Чересчур, как мне казалось, благосклонно.

Чтобы сравняться с ним хоть в чём-то, я принялся активно «качать мышцу», не гнушаясь даже приема стероидов. Всего за три месяца я стал лучшим в нашем общежитском подвале, оборудованном под «качалку»... и рухнул с пьедестала в единый миг. Мой соперник, зашедший в подвал полюбопытствовать составом спортивных снарядов, а заодно спросить меня с непосредственностью идиота, не знаю ли я, где сейчас Ольга, шутя выполнил десяток «французских жимов» со штангой, с которой я, здешний чемпион, обычно приседал. Для непосвящённых в тонкости процесса: «французский жим» – одно из сложнейших атлетических движений, выполняемое исключительно руками. Человеческие руки, как известно, минимум втрое слабее ног.

Я был раздавлен.

Однако виду не оказал, утёр пот и отважно пригласил его на серьёзный разговор. «Мальчонка, – думал я, шагая к закутку под лестницей, называемому «рандеву-пойнт» – традиционному месту выяснения мужских споров. – Не отступишься добром – порву те-бя, как котёнок кильку, не поможет и дикая сила. Ведь за мною – правда».

Рвать никого не пришлось. Филипп был Ольгиным братом, а показательные ухаживания – нарочитой, мастерски разыгранной комбинацией, призванной укрепить мои нежные чувства!

Ольга тоже любила писателя Михаила Веллера.

Как я не разглядел их бросающегося в глаза внешнего сходства, до сих пор ума не приложу. А с другой стороны, учитывая явную предрасположенность Ольги к чародейству, ничего удивительного.

Чтобы не затягивать ретроспективных экскурсов, попробую закруглиться в темпе. Сделав Ольге предложение, я получил согласие. С одним условием – по окончании института мы едем жить и трудиться к ней на родину – в таёжный посёлок городского типа Петуховка.

«Посёлок Петуховка» звучит довольно нелепо, по-русски не совсем правильно. Но «посёлок Петуховый» или же «Петухи» звучит ещё того хуже. Видимо поэтому, переросши некогда статус деревни, Петуховка таковой и осталась. (Вспоминается апокрифическая надпись в общежитском туалете: «Отжарю петуха. Комната 234»). Я специально интересовался – только не нужно думать обо мне плохого! – кто это у нас такой активный мужеложец? Оказалось, в комнате этой проживает пятёрка «ботанов» до мозга костей. Ну, известный типаж: штаны у таких вечно коротковаты, волосы грязноваты, глаза сквозь стекла очков уродливой оправы смотрят в неведомое обычным людям далёко... Представить себе эдакого паганеля, выполняющим анонсированное в клозете действие – скончаешься в конвульсиях необоримого смеха. Разве что в роли акцептора? Или правильнее сказать перципиента?..)

Кстати, петухов здесь действительно великое множество. Начиная с самого раннего утра и весь день напролет они испытывают силу своих голосов, и привыкнуть к этому гомону с непривычки сложно. Особенно туго приходится мне утрами выходных дней.

Деревенская свадьба затянулась на неделю. Мои старокошминские родственники, сперва малость зажатые, под конец гуляний настолько освоились с петуховскими нравами, что орали похабные частушки прямо на улице, нимало не смущаясь зрителей, наряжались в отрепья, чтобы чудить так называемыми кудесами, разбойничьим свистом гоняли уличных собак и прочая и прочая...

Защищала диплом Ольга уже беременная Машенькою. Сочетание её прочных знаний, очаровательной хрупкости и видимого интересного положения оказали на комиссию должное воздействие. Получила она «отлично».

Мне для аналогичного результата пришлось изрядно попыхтеть.

В Петуховке мы поселились у её родителей.

Превалирует здесь частная застройка, поэтому мои знания востребованы бывают крайне редко. И всё-таки, я величина, хоть во многом и дутая. Заместитель Генерального директора здешнего завода по вопросам экологии и охраны окружающей среды. Сантехник-сан. Ольга – старший экономист того же завода.

О посёлке (население – около семи тысяч) и его обитателях следует рассказать особо. Начну с того, что нелепо-смешные или фантастические в любом другом месте предрассудки приобретают тут силу неопровержимых фактов. Никому из жителей в голову не приходит сомневаться в существовании сглаза, порчи, заговоров, детской кочерги, колдовских кладов, нехороших мест, чудотворных икон и молитв. Сравнительно безобидной Белой Бабы, летающей в сумерках над крышами домов и зловещей Полудницы, инспектирующей огороды жаркими летними полднями в поисках малых детей, которых полудница крадёт с гастрономической целью. Лесного Старика, ведьм и баушек-знахарок – хранительниц сакральных знаний, восходящих к ариям. Матерных стихов как носителей иного, идеального смысла, а также говорящих животных и камней. И это при повсеместном распространении у населения спутниковых телевизионных тарелок, персональных компьютеров, широком применении современных методов контрацепции.

Но главное – похоже, метафизическая составляющая петуховского социума имеет место быть на самом деле! Если так можно выразиться, во плоти. Я собственными глазами наблюдал несколько раз, как обрастает неприятного вида нитями-гифами по типу грибного мицелия

сырое куриное яйцо, влитое в стакан с водой. Обыкновенное свежее яйцо, опущенное в обыкновенную колодезную воду, является отменным датчиком, регистрирующим воздействие на человека дурного глаза или недоброго навета. Ставишь та-кой коктейль в головах и ложишься спать. Есть сглаз – всю ночь будешь томиться скверными снами, укусами несуществующих насекомых, а к утру получишь очищение ауры и «оволосение» яйца-регистратора плохих воздействий. Закопай его скорее в навозную кучу, да не забудь круто посолить – иначе рискуешь стать родителем карликового василиска, от взгляда которого овцы не ягнятся! Нет сглаза – будешь спать, как младенец в чудо-памперсе. Яйцо же утром можно будет хоть бы и съесть – ничего странного с ним не произойдет.

И ещё я наблюдал многократно, как одним лишь умыванием с кратким предварительным шептанием над водой тёща (тесть, жена, шурин, бабушка жены) избавляли рёвом исходящую дочурку мою Машеньку от неодолимой обычными родительскими способами истерики. «Изурился кто-то, обычное дело, – объясняли они. – Маленькая же. Полюбовались на неё лишний раз, а много ли ребёнку-то надо?..»

Оказывается, любоваться иной раз крайне опасно.

А более всего урочливы грудные дети и, что любопытно, поросята. Вплоть до двухсоткилограммовых, с во-от такенными гениталиями хряков.

Ещё петуховцы отличаются трудолюбием, телесной крепостью, происхождением от кержаков-раскольников, а следовательно – беспримерной скупостью, политическим консерватизмом и лояльностью к власти. Своеобразным выговором, большой свободой в употреблении ненормативной лексики и презрением к тротуарам. Широкая их натура требует широких дорог. При обилии мотоциклов, на которых сломя голову гоняют все – от детишек до старцев, страдалыцев дорожно-транспортных происшествий до недоумения мало.

Едва ли не у всякой коренной петуховской семьи имеется родовое прозвище, переходящее из поколения в поколение. Есть прозвища такие, которыми гордятся и такие, которые ненавидят. Есть заковыристые прозвища, происхождения которых не смогут объяснить и сами владельцы, есть понятные даже младенцу. А ведь есть ещё и частные, индивидуальные.

Меня Ольга ещё «на берегу» успокоила, сказав, что Басарыга и так звучит превосходно. Как и её девичья фамилия – Капралова. Себе она решила оставить прежнюю, но и от моей не отказалась. Сейчас щеголяет громким Ольга Артамоновна Капралова-Басарыга.

Но я-то знаю, что поименован уже Анкологом. Это перевёрнутое с юмористической целью или от недостатка образования «эколог». Сей жест судьбы, понятно мне, следует принимать трезво, без истерик, ибо прилипла сия «погремуха» накрепко.

Я здесь почти чужой, и пусть вживание, вращение моё сюда всё-таки идет, но – микроскопическими темпами. Словно я – из другого мира, отгороженного от Петуховки не только по-настоящему дремучими лесами (теперь я знаю, что это такое), но и каким-то сдвигом – не то чтобы сдвигом временным, но сдвигом над-реальным. Словно мною переступлен порог, ступенька в пресловутом «информационном поле». Словно произошёл «соскок» информационной среды на иной энергетический уровень. Словно я попал в сказку. Но не ту, которая выхолощена литературной обработкой писателей, превращена в лубок художниками-иллюстраторами, а настоящую, материальную. В ту, которая начинается после точки, после «тут и сказочке конец, а кто слушал – молодец»; в ту, которая оживает, лишь когда книга уже закрыта.

Но я-то не сказочный, вот беда.

Зачем я всё это пишу, зачем вообще завел дневник?

Не знаю. Никогда прежде не чувствовал в себе такой потребности. Сейчас же – почувствовал. Кажется мне, что грядет (а может, и уже происходит) нечто – нечто такое... Небывалое... Эх, не могу объяснить.

Кажется мне, что коснется это грядущее и нас. К добру ли, к беде ли?

Пойму потом.

А дневник... авось дневник-то мне в этом и поможет.

P.S. Ну, а в горестном случае, если всё вышеизложенное, выше (и ниже) написанное – плод моего больного воображения, дневник поможет будущему лечащему врачу отследить протекание процесса «соскакивания с катушек» в динамике. Что, надеюсь, ускорит выздоровление бедняги сумасшедшего.

ГЛАВА ВТОРАЯ, в которой я чуть было не знакомлюсь с Фердинандом Великолепным и его Абре-ком. Первые жертвы, первые мысли. Успешная сдача теста. К осинам!

Пока мы шли к машине, Милочка совершенно успокоилась, аккуратно утёрла слёзки вперемежку с макияжем и стала как прежде красавица. Только чуть бледновата разве, да и Бог с ним, румянцем! Здоровый цвет лица – дело наживное... Я нежно приобнимал её за плечико, несколько смущаясь собственного удовольствия от этого процесса, но руки не отнимал. Да и она не делала попыток освободиться.

Разместившись в автомобиле, я первым делом припрятал пистолетик Большого Дядьки в хитрую прореху под сиденьем, отыскать которую непосвящённый человек может лишь при выдающемся везении. И, как выяснилось, не зря старался! Наверное, в городе объявили новый этап операции «Вихрь – антитеррор» (не упомнишь, который по счёту), а потому нас дважды останавливали серьёзно настроенные городовые с автоматами и предлагали «подышать воздухом», пока они шерстят Рэнглер в поисках запрещённых к владению предметов. По какой причине им казался подозрителен именно мой не самый новый, совсем не большой и далеко не самый броский в потоке разномастных автомобилей джип, осталось для меня неразрешимой загадкой.

На поцарапанную мою личность городовые посматривали с хмурым интересом, но Милочка жалась к боку так доверчиво, что понял бы и министр внутренних дел: я – славный, я – законопослушный, я – паинька. К тому же все документы находились в полном ажуре – не придерёшься. Но на всякий случай я стал с большей ответственностью относиться к выполнению требований правил дорожного движения.

– Интересно, – сказала Милочка, одновременно производя с помощью пуховки и пудреницы ликвидацию последних следов недавних рыданий, – как будут объясняться наши комсомолыцы-добровольцы, если их остановят стражи порядка? С полным-то кузовом жестоко избитых хулиганов? И кто они, между прочим, такие, эти неожиданные добры молодцы?

– Один момент. – Я похлопал себя по карманам. Та-ак, а где же визитка? Не иначе, выронил, когда прятал оружие. Остановившись на светофоре, я скосил глаз вниз, но беленькой гладенькой картонки не было и под ногами. – Похоже, сия тайна останется в веках, на потеху нашим пытливым потомкам, – сообщил я без особого, впрочем, огорчения. – Пропала визитка, пропала без следа. Испарилась чудесным образом.

– Твоя уверенность в том, что у нас будут общие потомки, имеет под собой какие-то солидные основания? – спросила Милочка с милой наивностью, подкреплённой очаровательным взмахом только что восстановивших идеальную форму и оттенок ресниц. Которая наивность, тем не менее, не могла никого провести: Филиппа А. Капралова, эсквайра, вновь решительно ставили на место.

– Хочется надеяться... – осторожно выговорил я.

– Ого! Я могу расценивать эти слова как предложение руки и сердца?

– Н-ну, – замаялся я, судорожно соображая, как бы выпутаться из щекотливой ситуации с наименьшим уроном для собственной свободы. – Ну-у... О, гляди, мы приехали!..

Милочка удостоила меня взглядом, который нёс столько неприкрытого ехидства, что не будь в нем ещё и доброжелательности взрослого по отношению к слишком явно хитрящему ребенку, я бы тут же провалился сквозь сидение. А возможно, и сквозь пол вдобавок.

Возле Милочкиного дома прогуливался папа Фердинанд с крепким «кавказцем» на смехотворно тонком поводочке. Папа (я узнал его по неподдельно радостному восклицанию моей

спутницы) выглядел лет на сорок, вряд ли много больше, был молоде-вато усат, по-мужски красив, а шириной мог бы поспорить с платяным шкафом. У «кав-казца» напрочь отсутствовал обязательный по правилам выгула собак намордник... как, впрочем, отсутствовало и благодушное выражение физиономии у его поводыря.

– Если я вылезу из машины, они меня немедленно растерзают, – скорее с уверенной, нежели с вопросительной интонацией молвил я.

– Да, папуля мужчина строгий, – заметила Милочка не без законной дочерней гордости за горячо любимого родителя. – Чтобы не сказать – суровый. Двадцать лет армейской службы, это тебе не шуточки! Да и военная специальность у него соответствующая. Парашютист-десантник. Элитный, заметь, не хухры-мухры: последняя кадровая должность – командир ДШБ, гвардии подполковник! Сейчас, правда, он в запасе... но продолжает заниматься нужным государству делом. Преподаёт губернскому ОМОНу ру-копашный бой в замкнутом пространстве и при неблагоприятном расположении окружающих предметов. Ну, знаешь, – лифты, салоны автомобилей, городские малогабаритные квартиры, вода по грудь и тому подобное.

– Так вот откуда потрясающее чудо самообладания, выказанное тобою в процессе схватки с пьяными мерзавцами! – воскликнул я, счастливый осенившей меня догадкой. – Дочь штурмовика-парашютиста! Преклоняюсь, честное слово!

– Да какое там самообладание, – засмутилась Милочка. – Я знаешь, как перетру-сила! Ой, папка, кажется, меня разглядел, – спохватилась она. – Пойду, пожалуй.

– Мне всё-таки лучше остаться в машине или как?

Она на мгновение задумалась, умильно уткнув пальчик в чистый свой, до-нельзя симпатичный лобик.

– Лучше останься. Сомневаюсь, что Абрек с доверием отнесётся к чужому мужчине, пахнущему кровью и недавней дракой. Да и папка... Я вас потом познакомлю, ко-гда у тебя благообразность облика восстановится, ладно? А то долго объяснять придётся, что да как... Кому это надо?

– Только не мне, – живо согласился я.

– Спасибо за чудесную прогулку, Филипп! Знаешь, цветы были – прелесть! – Она чмокнула меня в щечку. Увы, опять всего лишь по-сестрински. – До свидания.

Немного понаблюдав трогательную сцену встречи любящих родственников, я от-был восвояси. Я бы, может, остался ещё, да только Абрек, отпущенный с поводка, принялся проявлять настойчивый интерес к машине, доставившей возлюбленную хозяйку. И я всерьёз опасался, что псина того и гляди, начнет метить территорию, – потом от колес неделю вонять будет...

И в третий раз за этот вечер меня остановили низовые представители силовой ветви власти. В отсутствие обезоруживающей одним своим видом Милочки обхождение было соответствующее. Меня повернули лицом к машине («Руки на капот; молчать, от-вечать по существу, пукать, кашлять и чихать только по команде!»), обшарили карманы – без грубости, но и без пиетета, развернули. Наименьший ростом мент с пегими усиками ниточкой и лейтенантскими знаками различия ткнул мне в нос потерянной визиткой «народных дружинников»:

– Ваша?

– Вроде того, – сознался я. – Но я её где-то выронил. Думал, уж не отыщу.

– Под водительским креслом лежала. (Сердце пропустило удар – а вдруг и писто-лет нашли?) Работаете в этой организации? – Лейтенант произвел визиткой недвусмысленный взмах.

– Нет, что вы, – сказал я, стараясь выразить голосом безразличие к чёртовой бумажке. – Дали... или как это правильнее?... А, вручили, во как!

– Кто, где, когда, при каких обстоятельствах?

«Неужели вляпался? – подумал я с тревогой. – Хоть бы знать, во что! Ну, блин, дружинники хреновы! Удружили, называется...»

– Сегодня в спортзале... – на всякий случай увильнул я от правдивого ответа, – ...паренёк незнакомый подсунул. Зазывал в гости.

– Рекомендую сходить, – посоветовал лейтенант враз смягчившимся голосом. – Не пожалеете. Отличные там ребята служат! Счастливого пути!

Отпустили.

Тронувшись с места, я, разумеется, не удержался и с живым интересом изучил загадочную визитку. «Агентство “КАЛИБР.45”. Профессиональная защита Вашей жизни и Вашего дела». Телефон, адрес. И мелко, многократно по периметру – красивый слоган: «Убойная сила большого калибра!» Ишь ты! Пряма-таки поэтическая метафора. Од-нако, что за агентство такое? Частное? Государственное? Почему, например, «защита» а не «охрана», как, в общем-то, принято? И где я видел уже это название? Я напряг изви-лины и почти сразу вспомнил, где именно. Сегодня, у Большого Дядьки. В списке желательных для трудоустройства организаций. Следует ли считать подобное совпадение вульгарной удачей? Хм!.. Большой ещё вопрос, между прочим...

В таких тягостных раздумьях я и подъехал к уродливому высотному домишку а-ля «коробка от обуви», где снимаю под холостяцкое жильё однокомнатную квартиру на четырнадцатом этаже. Окна моей квартиры выходят на живописную излучину грязной речушки, которую от дома отделяют, размещенные террасами по крутому высокому берегу: автомобильная дорога, железная дорога в одну нитку, однорядный гаражный комплекс. И небольшое болотце, по высотной отметке практически совпадающее с рекой. Болотце летом подсыхает, зимой замерзает, на нём растут чахлые березки и живут голо-систые лягушки. По нему прибрежные жители любят выгуливать собак и девушек. Но весной и осенью болото – болото. Или же Болото. Непроходимое.

Впрочем, сгинувших в трясине я пока не знал, и подумываю, что топкие его заслуги местным населением несколько преувеличиваются.

Вдали от богато иллюминированного городского центра меня подстерегала самая настоящая беспроглядная ночь. Я загнал джип в снимаемый тут же гараж и начал караб-каться по крутому склону, хватаясь для надежности за прошлогодние стебли лебеды. Возле «чугунки» пришлось переждать бег раздражённо рывкнувшего на меня тепловозика, волочащего парочку пустых вагонов. Тепловозик летел, как вставший на четвереньки механический циклоп, пронзая ночной мрак слепящим взглядом единственного, зато мощного глаза-фары и отдувался вонючей жирной гарью. Я погрозил ему вслед кулаком... и поспешил дальше – отмыться и отсыпаться от треволнений удивительно насыщенных событиями вечера.

Расправившись с идеально сбалансированным ужином бодибилдера (белки, угле-воды, жиры – в строго определённых пропорциях, витамины и микроэлементы – по максимуму, пилюли со свободными аминокислотами и чудодейственное вещество креатин – по состоянию кошелька), я устроился возле телевизора, надеясь разузнать, чего вдруг ми-лиция всполошилась? Пospел в самый раз – по одному из каналов шли городские новости. Выездная корреспондентка с огромными, сверкающими, что твой прожектор локо-мотива глазами, едва не захлёбываясь от профессионального азарта, комментировала последние ужасы:

– Именно в этом заброшенном заводском цехе около часа назад четверо мальчи-ков заметили обнажённый труп неизвестного мужчины. Как выяснилось позднее, тело было пристреляно к железобетонной стене дубелями из монтажного пистолета. Мальчи-ки вызвали милицию и «скорую», а также позвонили нам. К сожалению, мы немного за-поздали и показать вам жуткое зрелище не сможем. Труп уже увезли, а к месту преступления никого не подпускают...

– Спасибо, Марина, – перебил корреспондентку ведущий новостей в студии. – Я не думаю, что столь э-э... неаппетитная картинка необходима для нашего эфира, да ещё поздним вечером. Уважаемые зрители, я напоминаю, что это уже шестой известный нам случай за текущие сутки. Все случаи однотипные – люди распяты вниз головой и прибиты гвоздями. Никто из погибших страшной смертью пока не опознан. По крайней мере, ничего о личностях убитых не сообщалось. Вероятнее всего, это бомжи. Правоохранительные органы пока никак не комментируют происходящее, но число вооружённых милиционеров на дорогах города резко возросло. Особого внимания патрульных удостоены джипы темно-синего цвета, так что можно догадываться, что кое-какие данные по подозреваемым в преступлениях у милиции имеются. Наш же комментарий таков. Исходя из некоторых специфических деталей, мы предполагаем, что преступниками производился обряд, схожий с «чёрной мессой» сатанистов. К сожалению, массовость кошмарных происшествий и их одновременность наталкивает на мысль о том, что действует не сумасшедший одиночка, а довольно большая группа, если так можно выразиться, «едино-мысленников». Но нарушения психики налицо. Мы попросили прокомментировать ситуацию бывшего заведующего кафедрой психиатрии Медицинской Академии, доктора медицинских наук, Гойду Сергея Сигизмундовича...

Сергея Сигизмундовича я слушать не стал, поскольку живо помнил о своём сегодняшнем визите к Большому Дядьке, это во-первых. Да и на работу психов произошедшая акция совершенно не походила, это во-вторых. И ещё мне вдруг показалось настоятельно необходимым поразмыслить самостоятельно, без подсказок со стороны, в-третьих. К тому же господин Гойда был мне известен, со слов милейшей психологини Юлечки Штерн, как завзятый принуждатель к сексуальным услугам студенток, в-четвертых. А посему казался неприятным. Неприятен он был и большинству студенток. За что, собственно, доктор медицинских наук Сергей Сигизмундович Гойда, имевший непомерно темпераментного беса в ребре, и лишился в свое время поста заведующего кафедрой.

Итак, соображал я, похоже, мне в такой каше уже делать нечего. Большой Дядька и те, кого он представляет, увы, опоздали. Сатанисты принялись за дело и принялись с шумом. С одной стороны, стороны насквозь циничной, это хорошо. Теперь даже высокие покровители замять такие крайне недобрые выходки детей вельзевуловых вряд ли сумеют. Шесть человек порешили, это вам не шуточки! Тут и до международной огласки не-далеко. Поэтому органы возьмутся за дело раскрытия преступлений со всем старанием. По крайней мере, сперва. И, не извольте сомневаться, найдут, кого прихватить. Возможно, покажут нам пару обколотых наркоманов с руками по локоть в крови уже завтра. Поэтому что излишне тупых, излишне рьяных или возомнивших, что они могут работать без приказа сверху исполнителей всегда сдают без сожаления свои же. Сдают или уничтожают.

И всё понемногу утихнет.

А вот дальше... Дальше подлинные любители «чёрных месс» будут куда как осмотрильнее. Что уже плохо.

«Ах, жаль, катастрофически мало у меня входной информации. Почему Игорь Игоревич накормил такими крохами? – азартно и с долей обиды подумал я. Но практически тут же себя одёрнул: – Так ведь для того и не перекармливал, чтобы не подавиться мне сдуру незнакомой острой пищей или не отравиться. Харч-то – явно не по моим зубам!»

Значит (при повторном, уже трезвом анализе), мое вхождение в игру вовсе не откладывается, как я решил сгоряча, а лишь переносится на некоторый срок. К чему дальновидный сеньор Тараканни меня, собственно, и подталкивал, предлагая вояж к родным осинам, якобы шибко необходимый для чтения какой-то писанины. Возможно, он даже догадывался о том, с какой энергией начнут развиваться события, подсовывая мне свою «беретту». Зная, со всей определённостью, что в беспокойную пору владеть ею, незарегистрированной – донельзя неуютно. А зарегистрировать пистолетик (кстати, крепко убеждён, нужный мне, как мёртвому

припарка) для меня проще всего у школьного приятеля по кличке Матрос. То бишь у старшего лейтенанта милиции Коновалова, участкового в отеческом селе. Добавочный намек для умного человека. Езжай, дескать, как велено и куда указано – тебе же лучше будет.

Не говорит ли это о том, что прочтение пресловутой рукописи, по мнению Большого Дядьки, на сегодняшнем этапе важнее внедрения в «шрастры» дьяволопоклонников? А ведь пожалуй! Интересненько, что там прописано? Новая редакция «Молота ведьм»?

Я развязал тесёмки дешёвой папочки и обнаружил внутри стопку листов, покрытых бледно-серого цвета словесами, отпечатанными на плохонькой печатной машинке. «Капитон Немов, – гласила шапка. – Фуэте очаровательного зла».

Прочтя столь претенциозный заголовок, я понял, что углубляться далее в текст мне жутко не хочется. А хочется мне сейчас поспать. Час уж поздний.

Проглотив в соответствии с рекомендациями спортивных журналов кружку протеинового коктейля, сбитого из отменного по ценовым характеристикам порошка «Super Mega Mass», совершив гигиенические процедуры и тщательно побрившись, я нырнул под одеяло.

– Как ты потрясюще долго копался, – с недовольной гримаской проворчала Юлечка Штерн, тут же устроившись повторять горячим пальчиком рельеф моих мышечных напластований. По нисходящей. Сверху вниз.

Ах да, кажется, забыл упомянуть, кто в последнее время готовит для меня ужин и скрашивает унылый холостяцкий быт. Ну да, это она, чернокудрая озорница...

Я на её вызов отреагировал соответствующе, за что был тут же награждён трогательным взвизгом:

– Ой, куда ты... Фил, ну прекрати, руки же холодные!..

– Дорогая, – прошептал я прямо в Юлечкино ушко, одновременно нежно покусывая мочку и шалея от аромата её волос, – срочно требуется справка об исключительном состоянии моего психического здоровья. Сделаешь?

– Вряд ли. Неужели игнорирование изнывающей от любовного томления женщины в пользу дурацкого телевизора и противных бумажек – проявление нормальных поведенческих реакций половозрелой мужской особи? Да о норме тут и речи быть не может! И не смей... – она прерывисто вздохнула, – не смей таким нечестным... О-о-о, Фил!.. та-ким нечестным способом добиваться от меня нарушения врачебной... профессиональной... эти... этики...

– Как же быть? – прошептал я, усугубляя нечестные домогательства к млеющей крошке Штерн всё более действенными и углублёнными методами.

– Ну, хорошо-хорошо, попробуем провести небольшой тест, – выдохнула она, наконец сдаваясь. – Ответь... М-м-м... О, Фил, ты серьёзно решил это сделать?.. Да? Ну так не останавливайся... Нет, это был не тот вопрос. – Она собралась и почти хладнокровно спросила: – Жаль отвлекать тебя даже на секунду и всё-таки: всегда ли ты кричишь в страсти, милый?!

– А какой ответ тебя устроит вернее прочих? – проговорил я, из последних сил сдерживая наступательный порыв требующего немедленной атаки организма.

– Как можно более громкий!.. – простонала она и пошла в наступление сама...

Проснувшись, Юли я уже не застал. На кухонном столе лежала начертанная её рукой записка: «От тебя пахло чужими духами, негодник. Тест сдан успешно. За справкой жду в 13.00. Целую – сам знаешь, куда! Вот именно, такая я развратница!»

Удивительная женщина! Как ни странно, она сама выступила инициатором нашего совместного греха прелюбодеяния. Пришла однажды поздним февральским вечером, бросила мне на руки дубленку и заявила: «Я с мужем поругалась. Он Тотошку усыпил. Говорит, опасен. Можешь себе представить?»

Я мог, но не сознался. Поделом ему, злорадствовал я. И не говорите мне, думал я, что все псы попадают в рай. Тотошке уготована дорога в собачьи тартарары, убеждён. Где черти, обли-

чем вылитые коты, отгоняют лохматых грешников от ржавых мусорных баков со скудными дурнопахнущими объедками, окатывая кипятком; хлещут по морде свёрнутыми поводками и перчатками; вешают на шеи тяжеленные ледяные цепи и пин-ками выгоняют на непогоду. Где несмолкающим громом звучит: «Нельзя! Сидеть! Фу!» Где скачут блохи размером с лягушку и никогда, никогда не появится ни один Хозяин!

«Господи, Тотошка – опасен! – восклицала тем временем сквозь слёзы Юлечка. – Чушь! Я Сёме за это всё лицо расцарапала. Жаль, псину уже не воротишь. Поживу пока у тебя. Ты не возражаешь?» Последние слова она проговорила, прочно устроившись с но-гами в любимом (потому как единственном) моём кресле и прихлебывая мой недопитый апельсиновый сок. «Вообще-то мне не свойственно разрушать семьи. А уж к Семёну Ар-кадьевичу я отношусь более чем хорошо. Не то, что к покойному Тотошке. И мне не хо-телось бы...» – попробовал я возразить. «Вздор! – перебила она. – Не бери в голову. Я к тебе отнюдь не навсегда. А Сёме, в его возрасте, полезно чуть-чуть взболтать эмоцио-нальную сферу. Это омолаживает, это бодрит. Наконец, это укрепляет любовь! К тому же, если ты так щепетилен, мы можем спать раздельно».

Щепетильности мне хватило на неделю.

Вру. Меньше.

А познакомились мы при довольно необычных обстоятельствах.

Всю жизнь меня любили женщины и собаки. Особенно собаки. Кстати, взаимно. Иногда я думал, ласково трепля за уши какого-нибудь цепного волкодава, что сумею пройти насквозь какую угодно свору самых злобных, самых вымуштрованных псов-убийц совершенно без проблем. Разве что лицо и руки будут собачьей слюной измазаны. А тут...

Бежал это я как-то по стадиону в компании десятков граждан, совершающих ве-черний оздоровительный моцион, дышал полной грудью, думал только о хорошем... и вдруг на меня набросился оскаленный ризеншнауцер. Физкультурники врассыпную, женский визг, разнополый мат, рычание взбешённой твари и клаяние зубов. Сквозь на-морг, слава Богу. Подбегает хозяйка, пса оттаскивает, едва не плача. «Тотошка, ты что, с ума сошёл? Ой, простите, не знаю, что с ним. Всегда такой милый был, спокойный. Правда, сюда мы недавно переехали, может быть, у него стресс от смены места». Я ос-мотрелся, заметил, что кроме испачканных одежд никаких последствий схватки нету, а хозяйка – ничего себе, и сказал, полный великодушия: «Бросьте волноваться, сударыня, со мной всё в порядке. Стресс у животного, чего уж не понять. Но, чтобы не провоциро-вать его на новые выпады в мою сторону, уточните, пожалуйста, в котором часу с ним гулять собираетесь? А я уж смену расписание пробежек. Для физкультурного народа наша с ним ежевечерняя борьба была бы, конечно, отменным развлечением. И посещение стадиона возросло бы, наверное, многократно. Да только нам-то с вами какой с того навар?»

Но она решила по-другому. Дескать, если я у них дома побываю, Тотошка вмиг поймёт, что имеет дело с новым другом семьи, и облагоразумится.

Побывал я у них дома. С мужем её, Семеном Аркадьевичем, тепло познакомился. Отличный дядька. Сорок шесть лет, жены старше ровно на двадцать. Носат, бородат, са-мую малость пузат. Жизнелюб. Остроумен, эрудирован энциклопедически. Хирург-полостник, страстный турист и байдарочник. Неплохой исполнитель собственных, очень неплохих, песен под гитару.

«Уговорили» мы под туристские песни бутылочку «Кинзмараули» и даже опреде-лили общих знакомых, поразившись по традиции, сколь тесен мир. Чтобы не быть в дол-гу, пригласил их в гости и я. Ну, а потом постарался более не навязываться – больно уж откровенно на меня стала Юля поглядывать. С таким легко идентифицируемым интере-сом. Как бы прице-ниваясь. И прицеливаясь. А Семён Аркадьевич – он ведь тоже не сле-пой и далеко не лопух.

Я, понятно, решил, что мне такие приключения ни к чему, чтобы с мужней женой шашни водить; да и сменил время пробежек. А заодно стадион.

Квартиру только не сменил.

Вот Юля и взяла меня прямо в берлоге и прямо за то самое место, которое силой назад вырывать – себе дороже. Решила всё самостоятельно, в одностороннем порядке. Что поделаешь – женщина независимая. Огонь-женщина. Во многих смыслах. Меня это чуть обескураживает, но претензий я, в общем, не имею. Мне, как всякому уважающему себя мужчине, владение такой норовистой лошадкой самолюбие греет.

Пока здоровья достаёт еженощно не высыпаться.

До назначенного Юлей часа оставалось ещё порядком времени, и я не торопясь позавтракал. Опять в полном соответствии с рекомендациями спортивных диетологов. Единственным нарушением явился лишний кусочек манника (готовит Юля просто пре-восходно) да бо́льшая кружка любимого мною чилийского кофе «Коронадо», сваренном на чистейшем деревенском молоке повышенной жирности. Преимуществом этого окраинного городского района в моих глазах является близость частных домов с их традиционным хозяйством. И, как следствие, возможность покупать более-менее приличные продукты питания. Ибо я, рожденный и выросший в условиях обильного употребления натурального козьего молока, чувствую себя без ежедневной порции лактозы не в своей тарелке. Что поделаешь, говаривал я Юле, привычка! Не самая дурная, а для здоровья так и вовсе полезная.

Гораздо хуже оцениваю я неистребимую свою приверженность к просмотру по телевизору «Утреннего экспресса».

Получив в виде наказания кучу бесполезной, а то и вовсе глупой информации, я дотерпел до блока новостей. Вознаграждением была гордость за себя, прозорливого. Не-большие отклонения от умозрительного вчерашнего заключения, в котором я смоделировал развитие событий – не в счёт.

Лично главный прокурор губернии заверил с телеэкрана граждан, что поводов для беспокойства больше нет. Да, вчера действительно произошли экстраординарные для нашего спокойного («Спокойного, – воскликнул я изумлённо, – кто бы мог подумать!») региона события криминального характера. Но! В результате проведённых оперативно-розыскных мероприятий уже задержана группа подозреваемых, в отношении которых сейчас производятся следственные действия. Более того, все подозреваемые уже единодушно признались в содеянном. Увы, признавшись, не раскаялись. Напористо пропагандируют перед следственной группой человеческие жертвоприношения и прочий мисти-ко-нездоровый бред. Называют себя «Предстоящими свету Люциферову». По всей видимости, это не вполне нормальные люди. Как принято говорить, неадекватные действительности. Не за горами их самое серьёзное медико-психологическое и психиатрическое освидетельствование. На которое выделены деньги лично господином губернатором. Которое расставит всё на свои места. В котором примут участие ведущие специалисты.

Теперь по поводу жертв, которых не семь, как сообщалось недобросовестными или подавшими панику журналистами, а всего пять. Четверо – лица без определённого места жительства. Иначе говоря – бродяги, бомжи. поголовно были больны при жизни венерическими заболеваниями в самой запущенной стадии. Ещё один – наркодилер, уличный торговец наркотиками и сам наркоман. Носитель ВИЧ-инфекции, а также гепатита «бэ» и экзотического гепатита «цэ» вдобавок. Такой подбор жертв позволяет подозреваемым нахраписто объявлять себя распространителями общественного блага, «санитарами» каменных джунглей.

Поскольку у задержанных, назовём их «люциферитами», могут быть сообщники, некоторое усиление правоохранной деятельности в ближайшие день-два сохранится. Граждан просят с пониманием отнестись к досмотрам автомобилей или даже личных вещей... До свидания. Всего хорошего.

Показалось мне или так оно и было на самом деле, но уж не с симпатией ли почти откровенной говорил прокурор о названных «люциферитами» и их деяниях?

Следовало незамедлительно позвонить Большому Дядьке. В самом деле, мне ли голову над проблемами ломать, когда есть на это люди более информированные и заинтересованные?

Увы, Тараканова на месте не оказалось. Милочка, солнышко, сидела в редакции одинёшенька, не с кем ей было словом перекинуться, и звонку моему она обрадовалась невероятно. Защебетала, зачирикала. Я же мямлил и заикался. До того мне совестно было чистого душой ребёнка, которого вчера ещё охмурял, зная наверняка, чем стану но-чью заниматься – слов нет. Вскоре, оценив мою коммуникабельность, Милочка посерьёзнела и спросила:

– Филипп, тебе, кажется, плохо? Что случилось? Ты на меня сердишься?

На неё! Ну не ангел ли?

– За что? – взяв себя в руки, воскликнул я. – За что?! Да разве на тебя вообще можно сердиться? Милочка, волшебница, да существует ли на свете человек, способный на тебя сердиться? Если так, то назови мне его имя, и он горько пожалеет о том, что родился. И даже о том, что его родители когда-то встретились. Если успеет.

– А если я скажу, что это мой папочка?

– Хм... Отеческий гнев не есть дурной проступок, но пункт воспитания, – переменил я тон. – Он проходит по другому ведомству... хотя, если сделаешь заявку, я рискну указать ему на неверный стиль поведения. Чем бы мне сие не грозило. Это из-за вчерашнего? – спросил я уже без кривлянья.

– Да. То есть нет. То есть не только... Не переживай, Филипп, я ему заявила, что ты мне нравишься, он и смягчился! – выпалила она вдруг. – И это правда.

– А... – сказал я и смущенно примолк, не зная как быть дальше. Как назло, на глаза мне попала Юлина записка. «Целую – сам знаешь, куда!» Да уж, знаю. Ситуация... Наконец я решил: – Сейчас же приеду.

– Не нужно, – сказала она поспешно. – Правда, не нужно. Поверь, тебя мои слова ни к чему не обязывают. Я знаю, у тебя есть женщина. И слава Богу... наверное. Ты – мужчина, а я – девушка...

Мне тут же вспомнилось Прутковское: «Ты девица; я мужчина...» – «Ну, так что же впереди?» Но, памятуя о его же: «Не шути с женщинами: эти шутки глупы и неприличны», – я крепко прикусил язык.

– ...Зато у меня есть принципы, – горячо говорила между тем Милочка, – с которыми привычная для тебя жизнь не состыкуется. А идти против них я пока не готова. Прости, что всё это я тебе говорю так по-дурацки, по телефону. – Она вздохнула. – Но мне так легче и проще. А теперь к делу. Игорь Игоревич просил передать, что... так, сейчас вспомню... Ага! Что осины и ёлки ждут, что в деревню, в глушь лежит твоя дорога, и что время исключительно дорого. Как понимаю, это означает, что увидимся мы не скоро, – добавила она как будто с облегчением. – Наверное, так будет лучше. Да, значительно лучше. Счастливого пути, Филипп.

Не успел я ответить, как Милочка повесила трубку.

За ананасы Анжелика меня чуть было не поколотила. Но, поразмыслив, решила, что человек без чувства юмора достоин всяческого сожаления и помиловала. После чего, почти без перехода, бросилась обнимать, жарко целовать, сообщая, что невероятно счастлива. Что счастливей её никого в целом мире нет.

– Неужели знакомство со мной тому причина? – поинтересовался я несколько обескуражено.

– Размечтался! – Она спешно отстранилась, сообразив, что мои ответные объятия и лобызания имеют оттенок неуместной для её рабочего кабинета чувственности. – При чём тут ты?

Илья «Европу» среди юниоров взял! Представляешь! Ночью мне из Праги звонил. Говорит, всё ещё не верит.

Илью я знаю хорошо. Не по годам серьёзный парнишка. А уж к спорту относится с обстоятельностью непередаваемой. Такие и становятся чемпионами, если не надрываются. К «Европе» его готовила Анжелика, поскольку лучше её в Императрицыне мало кто умеет по предсоревновательной дистанции «качка» провести. До титула, если пове-зёт; до больничной койки, если не очень.

– Поздравляю, – искренне сказал я. – Вернётся, передавай ему от меня поклон.

– А ты куда? Опять тренировки пропускать собираешься?

В ответ мне пришлось смущенно улыбнуться, виновато потупив взгляд. Затем я послал Анжелике воздушный поцелуй и испарился.

Город удалось покинуть без приключений.

В кармане у меня лежала справка о всестороннем психиатрическом обследовании гражданина России Капралова Филиппа Артамоновича, выявившем идеальное вышена-званного гражданина здоровье. А также справка из военкомата, сообщающая, что всё тот же идеально здоровый Капралов проходил действительную военную службу в погранич-ных войсках РФ, следовательно, грамотному обращению со стрелковым оружием обучен. Справки служили основанием для разрешения гражданину Капралову владеть огне-стрельным нарезным ору-жием калибра не более 9,2мм, не автоматическим, не специаль-ным.

«Беретта» Большого Дядьки требованиям закона полностью соответствовала, од-нако со мной её сейчас не было. Хорош бы я был, заявившись в отчий дом при пистолете под мышкой! С лёгким сердцем оставил я «беретту» в квартире, в надёжном тайнике, вместе со своей долей фамильных драгоценностей, несколькими килограммами героина, парочкой счи-тающихся утраченными подлинников эпохи Ренессанса во главе с «Ноч-ным дозором». Там же, кстати, хранятся полные списки британской разведкагентуры и северокорейских диверсан-тов в России. А так же ведро универсального лекарства от всех болезней, включая излишнюю доверчивость к чьему бы то ни было трёпу.

Могу уступить чарку и вам.

Под колёса ровно ложился влажный асфальт, мерно поскрипывали «дворники», а на зад-нем сидении негромко ворковала парочка симпатичных «голубеньких» молодого совсем ещё возраста. Подсадил я их возле заправки, на выезде из города, сжалившись над мокрыми печаль-ными фигурами. Были они вдобавок угнетены большущими рюкза-ками и металлическими чемоданами для переноски какой-то специальной аппаратуры. Просили подвезти до поворота на Петуховку. Заплатили вперёд, и во время переговоров вели себя прилично. В смысле – глазки не строили.

Отчего не взять, решил я, с попутчиками веселей.

Сначала, озябшие и промокшие, ничего такого, шокирующего агрессивно гетеро-сексу-альную мою сущность, они себе не позволяли, и я легко терпел их присутствие. Тем более, я даже не подозревал об их необычной ориентации. Однако, пригревшись и при-ободрившись, начали они мало-помалу ухаживать друг за дружкой, посчитав, что води-тель, всецело занятый заливаемой дождем дорогой, ничего не замечает.

И я, гордясь собственной терпимостью, старался ничего не замечать. «Какое, соб-ственно, мне, либералу из либералов, дело до их ориентации? – думал я. – И не нужно, чёрт побери, так психовать! Находясь, тем паче, за рулем. Ну, влюблены они. С кем не бывает? Что теперь, под дождь их прикажете высаживать, в чисто полюшко?»

Произведя дюжину дыхательных упражнений, успокаивающих нервы, я немного остыл. Настолько, что мне даже пришло в голову включить кассету со старой записью «Pet Shop Boys». Ребятки, заслышав вокализы одноцветных «братьев по оружию», возли-ковали и принялись

подпевать, демонстрируя неплохой музыкальный слух и классическое английское произношение. Увлеченные песнопениями, они прекратили обниматься, и я спокойно довёл «Рэнглер» до потребного отворота.

– Здесь сойдёте или дальше поедет? – спросил я дружелюбно, чувствуя себя готовым номинантом на Нобелевскую премию мира.

– Так вы что, тоже в Петуховку? – с радостным изумлением спросил тот, что по-старше. – Если да, то мы были бы вам крайне благодарны, если бы вы довезли нас до места.

– Ну что ж, будьте благодарны, – сказал я, лихо сворачивая на грунтовку. – А вы, между прочим, к нам за какой надобностью? Не подумайте, что интерес мой праздный. Скорее, во мне говорит беспокойство за ваше здоровье. У нас, знаете ли, население кондовое, свято чтит традиции, заповедованные пращурами... Выражаясь прямее, могут и лицо набить, ежели докопаются, что вы геи. А это трудно не заметить.

– Мы к этому готовы, – вступил в разговор младший. – Пострадать за правое дело не только можно, но и должно для всякого человека, исповедующего те или иные высокие принципы.

– Вы имеете в виду однополую любовь? – на всякий случай уточнил я.

– Я имею в виду любовь к природе, – вскипел исповедующий высокие принципы юноша. – Мы из регионального представительства Гринпис. У вас в районе произошла экологическая катастрофа. Неужели вы, коренной житель, об этом ничего не знаете?

– Нет ещё, – сказал я. – Но учтите, здешние ухари бить вас будут не за то, что вы «зелёные». За то, что «голубые».

– Пусть только попробуют! – запальчиво воскликнул младший. – У меня чёрный пояс по тхэквондо!

– Снимаю шляпу, – сказал я, – и искренне сочувствую. Значит, вас будут бить значительно дольше и сильнее, чем друга. Я бы даже применил здесь термин не «бить», но «мудохать». Простите за вульгаризм.

– Вы это всерьёз говорите или просто шутите? – озабоченно уточнил старший. Мне он с самого начала показался более рассудительным. – В конце концов, не в тюрьму же мы направляемся и не в армию.

«Ми-илай! – подумал я. – Да в тюрьме и армии таких, как вы, и не бьют вовсе, а по-другому используют».

– Шучу, разумеется, – сказал я успокоительно. – Но во всякой шутке... Понимаете? Так что, ежели кто примется вас вдруг тиранить, предлагаю, прежде чем демонстрировать воинские искусства, сослаться на знакомство со мной. Скажите, мол, Капрала знаем, и он к нам благоволит.

– Думаете, это поможет?

– Ха! Надеюсь. – Я был сама уверенность.

– В таком случае, вы, должно быть, здешний «крёстный отец»? Или как это... «первый парень»?

– Не совсем. Просто у меня участковый – лучший друг. А мой папа – хоть и не «дон» в классическом смысле, но вроде того. Председатель поселкового совета. Мэр, если хотите. Погодите-ка, – спохватился я, – а что за беда приключилась с нашей экологией?

– Рыба, простите и вы меня за вульгаризм,дохнет, – сказал старший. – Будем разбираться, отчего. Я ихтиолог. Алеша – биохимик. Меня, кстати, Яковом зовут.

– Меня Филиппом, – нехотя сознался я и, повернувшись вполоборота, подал им руку. – Что ж, будем знакомы.

«Очень приятно» и «Весьма рад», – воспитанно сказали они.

Пожатия их оказались вполне твёрдыми.

Дневник Антона Басарыги. 27 апреля, воскресенье.

Не писал две недели. «Куда это годится? – строго спросит предполагаемый читатель и резонно заметит: – Так ведь можно дискредитировать саму идею дневника». Но попытаюсь оправдаться: на то были веские причины. Настолько веские, что от их массивности у меня до сих пор коленки дрожат и нервишки дёргаются.

Итак, выполняя призыв: «Весна идет, весне дорогу!», вскрылась река. Однако поплыли по реке вовсе не льдины. Вернее, льдины поплыли тоже, но на них никто не обратил внимания. Затмевая невзрачный весенний лёд матовым блеском обращенных к небу животов, поплыла рыба. Во множестве. На мою беду, в нашем уезде для какой-то своей надобности находилась в эту пору гражданка Швеции с распространенной на скандинавщине фамилией Фергюссон. Активистка Гринпис, причем не из последних. По со-вместительству представительница ЮНЕСКО. Сопровождал её внушительный штат наших, доморощенных радетелей за чистоту природы и прочих прихлебателей разных мас-тей.

Можно себе представить, как они взвились, увидев рыбью демонстрацию. Бес-предел предприятий-вредителей в Российской глубинке! Ату!

Виновника определили мигом. Оказался Петуховский завод. Что-то здорово не-подходящее для рыбьего метаболизма плеснули мы со сточными водами в речку. И стер-вятники слетелись. Столько дорогих импортных джипов одновременно видел я на улицах нашей деревни только во время прохождения через неё этапа «Кэмел трофи».

Директор завода, старый хитромудрый еврей, без раздумий слёг в больницу с сердечным приступом. А чего вы хотите от стокилограммового коротышки возрастом под шестьдесят пять, посвятившего жизнь административной работе? Здоровье же – ни к чёрту, козе понятно. Но предварительно он успел назначить крайнего и «сдать» его нату-ралистам-профессионалам. Со всеми его, крайнего, потрохами.

В том, что в главные живодёры непременно угодит Антоша-Анколог, не сомневался даже самый последний заводской кочегар. Не сомневался и я. Кому же отдуваться при таких фокусах, если не ответственному за природоохранные мероприятия?

При моей первой беседе с госпожой Фергюссон свидетелей не присутствовало. Конфиденциальность была определена ею, как залог успеха. Посткоммунистическое общество, не избавившееся всё ещё от родимых пятен былого тоталитаризма, могло нам помешать тем или иным способом, считала она. Особенно здесь, в провинции. Только так – с глазу на глаз, достоверно, по-дружески, прихлебывая кофей, следовало нам с нею общаться. Официальные лица выразили согласие и одобрение. Я, разумеется, тоже. Ну, дурит баба, напугавшись наших глухих мест, что с неё возьмешь?

А напугаться ей е составило труда. Во-первых, символом того самого неизжитого тоталитаризма над заводской нашей проходной до сих пор висит плакат пять на три мет-ра с мускулистым пролетарием, строго спрашивающим со всякого приблизившегося рабочую гарантию – как залог качества продукции. За спиной у него реют алые флаги и дымят грандиозные трубы. Плакат недавно отреставрировали, забыв (или нарочно не захотев) поправить цвета флагов на отвечающие сегодняшним реалиям. Вдобавок живёт, здравствует и исправно даёт жару по будним дням наш фабричный гудок – то ещё раз-влечение для человека непривычного!

Госпожу Фергюссон гудок, плакатные трубы и флаги, надо понимать, насторожи-ли куда как пуще дохлой рыбы.

Она сравнительно неплохо калякала по-русски, и переводчики были не нужны. Мы мило поболтали, и мне показалось, нашли общий язык. Она вполне согласилась со мной, когда я сообщил, что планово-предупредительные ремонты и своевременные про-филактические работы на заводских очистных сооружениях хоть и проводятся, но мало полезны, поскольку сооружения те пора было менять ещё двадцать лет назад. Изучив графики и планы мероприя-

тий, она нашла их не только приемлемыми, но и в своем роде замечательными, единственно возможными. Узнав, что я убеждённый вегетарианец (ну, каюсь, тут я соврал – ради красного словца и надежды на смягчение участи), она пришла в совершеннейший восторг.

Расстались мы, чрезвычайно довольные друг другом.

Тем большее было мне узнать, что «именно господин Басарыга своею преступною халатностью, своим безответственным отношением к профессиональным обязанностям явился главным, более того, практически единственным виновником трагедии. Ещё бо-лее того – он её практически спровоцировал!» Чьи слова? Нужно уточнять или и так яс-но? Госпожи Фергюссон, собственной белобрысой персоной. Получите, что называется, и распишитесь! Однако, «понимая сложность ситуации, в которой господину Басарыге приходится работать, я не рекомендовала бы пока возбуждать уголовное дело».

«Пока!» Ишь ты, стервоза...

А позавчера приехал на побывку Филипп и привёз с собой двух странных маль-чиков. Они из Императрицына, специалисты по рыбе и другим водным тварям. По-моему (да и не только по-моему), они того... В общем, пара. В смысле, живут вместе. Од-ной семьёй. Петуховское население в замешательстве и пока не решило, как следует рас-сматривать сей казус. Ужели это беспрецедентный, наглый вызов общественной нравст-венности? Или всё же стыд-ная болезнь?

Несмотря ни на что, я готов расцеловать их привсенародно.

Взяв многочисленные анализы, они выяснили, что рыба, во-первых, не сдохла, а вовсе даже жива – но находится в состоянии спячки, что ли... «Это поразительно! – с жа-ром восклицают молодые ученые. – Это не имеет аналогов и объяснений, и это надо глу-боко исследовать!» Чем они и намерены вплотную заняться. Сейчас же. Во-вторых, при-чина рыбьего анабиоза вряд ли кроется в промышленных стоках нашего завода. Никаких химикалий с пре-вышением ПДК в сточных водах не обнаружено. Как и в дремлющей рыбе. Зато обнаружен в рыбьей печени неизвестный мировой науке гормон. То есть аб-солютно неизвестный.

Совершив сенсационное открытие, нетрадиционно ориентированные рыбоведы сдела-лись лихорадочно возбуждены. Наверное, мечтают о Нобелевке.

Госпожа Фергюссон, так вот нежданно-негаданно обломавшись со священной войной против погубителей ихтиофауны, чуток погрустнела, но ненадолго. Сейчас её бе-зумно волнует новый вопрос. Что же, если не ядовитые стоки, явилось причиной появле-ния нового гормона? Уж не преступные ли секретные эксперименты КГБ и русской во-енщины? К счастью, волно-ваться об этом она уехала в райцентр. Все «хвосты» укатали за нею следом. Одни ихтиологи остались. Работают без сна и отдыха, но выглядят счаст-ливыми. Грезятся им, должно быть, полеты человечества в дальний космос и усыпление неизлечимых больных до времен открытия чудодейственных лекарств. Что станет воз-можным уже скоро – благодаря их замечательному анабиотическому гормону, получен-ному из рыбьей требухи. Помогай им Бог!

А вот принести извинения невиновно, как оказалось, оклеветанному Антону Ба-сарыге никому даже не пришло в голову.

У директора завода, между прочим, сегодня произошёл перелом в болезни, и он стре-мительно идет на поправку. О чём изволил сообщить мне самолично, позвонив по телефону. Скоро-де свидимся. Он, между прочим, всегда считал, что я ни при чем. Одна-ко, с сожалением сообщает он, приказ о лишении меня ста процентов премии, подписан-ный им ещё в больнице, уже проведён по всем финансовым бумагам и обратного хода не имеет.

Ну и шут с ним.

На фоне всей этой чехарды произошло событие, которое я не берусь объяснять, но кото-рое пугает меня безмерно. На улице Пролетарской приключился пожар. Горел доб-ротный частный дом, горел среди белого дня, горел непонятно отчего. В доме во время пожара нахо-дились маленькая девочка и её бабушка. Вспыхнуло мгновенно, мощно и сразу всё – от фун-

дамента до крыши. Почему-то только снаружи, словно было бензином облитое. Зато полыхало так, что даже самые отважные храбрецы, случившиеся поблизо-сти, не решались прийти оставшимся в пожаре людям на помощь. Но так же мгновенно, по необъяснимым причинам дом потух. Сам. Прибывшие на редкость оперативно огне-борцы лишь залили кое-какие разлетевшиеся угольки да вывели из пожарища чудом уце-левших людей. Обе – и бабка и внучка – живы-здоровы, но пребывают на грани нервно-го криза. Их отвезли в уезд, там и врачуют.

Зевак было мало, зеваки были разочарованы.

А у нас в это время происходил семейный скандал огромной напряжённости. Ольга, в бешенстве неопишемом, «воспитывала» дочку Машеньку, не брезгуя даже руко-прикладством. Я насилу отнял у практически невменяемой супруги бедного ребенка. Впрочем, дочка была скорее зла, чем напугана.

Причина женской ссоры выяснилась ночью, когда умиротворённая любовными ласками Ольга поведала мне её предысторию – сколь удивительную, столь и страшную. Пожар устроила Машенька! Не то чтобы пошла и подожгла, а сверхъестественным обра-зом спровоцировала. С девочкой Альбиной, что едва не погибла в пылавшем доме, дочка наша посещает один детский сад. Альбина – мягко говоря, далеко не подарок. Ребёнок единственный, очень поздний, почему избалована донельзя. В день накануне трагедии она, мало задумываясь об этичности своего поступка, как и о его возможных последстви-ях, стащила у Машеньки из детсадовского шкафчика любимую куклу. На требование вернуть игрушку Альбина вызывающе рассмеялась, показала язычок и уплыла домой, сопровождаемая бабушкой, забирающей единственную внучку изо дня в день раньше остальных детей. Что же бабушка? А бабушка на повышенных тонах пожурела Машень-ку за некрасивую жадность и пообещала, что после выходных кукла будет ей, скорее все-го, возвращена. Резонные возражения воспитателей были бесповоротно проигнориро-ваны.

Обиженная смертельно, дочурка рыдала до самого прихода Ольги, не прекращая ни на миг. Но слёзы не были ей помехой заглянуть в шкафчик негодяйки Альбинки. Там она обнаружила носовой платок. План страшной мести созрел тут же. Весь вечер и утро следующего субботнего дня были посвящены подготовке. Из пластилина вылеплена бы-ла кукла-вуду, из вражеского платочка пошита ей одежка, из бересты и щепочек построен в огороде за баней домик для неё. Прочитав над домиком колдовские стихи, чьё содер-жание осталось для меня тайной (подозреваю, жене моей они превосходно знакомы), Машенька оросила его обильно дезодорантом «Фа» – для лучшей горючести – и подожг-ла.

В ту же минуту полыхнул дом на Пролетарской.

По счастью для скверно воспитанной Альбинки и её неумной бабушки, в огород той порой выглянула Ольга. Шаманские пляски дочери над костерком оказались для мо-ей благоверной подобны уколу иголкой в мягкое место. Со скоростью кроссмена-рекордиста она преодолела хлюпающую огородную грязь и набросила на огонь сорван-ный с плеч козушок. «Хорошо ещё, сообразила не топтать ногами, – говорила она мне дрожащим голосом, показывающим её убеждённость в безусловной связи большого и малого пожаров. – Кровля бы рухнула у дома и всё! Всё, понимаешь?!» Ольга готова бы-ла заплакать.

Успокоив супругу единственно доступным способом, чрезвычайно действенным, хоть и несколько утомительным, а затем и усыпив, сам я заснуть не смог. Я пребывал в растерянности. Как прикажете расценивать её слова? Как полнейший вздор, скорее даже бред? А если присо-вокупить к ним неумолимые факты? Как совпадение? Жуткое, стран-ное, но совпадение?

Я беспокоино ворочался до самого утра.

Наступившее воскресное утро выдалось солнечным, по-настоящему тёплым и ра-достным. Несмотря на слегка гудящую от недосыпа голову, я был довольно бодр. Ночной разговор уже казался мне сущей ерундой, и я постарался о нём забыть. Благо, грядущий день сулил приятное времяпрепровождение – мы всей семьей собирались в лес, за берё-зовым соком.

Транспорт вызвался предоставить Филипп.

Что может лучше восстановить мир в семье, чем такая поездка? Вот так сразу, от-ветить не берусь. Проведя в лесу полдня, полакомившись печёной картошкой и шашлы-ками, возвращались мы назад крайне довольные – как собою, так и добычей. Шесть лит-ров отменной про-хладной берёзовицы, дарованной нам волшебницей-Весной, булькали в багажнике. Не меньше шести литров сока булькало в наших животах. От одежды прямо припахивало дымком. Филипп болтал, не переставая, девчонки весело и звонко хохотали. Я хохотал тоже, попутно растирая озябшие руки, и всё никак не мог их согреть. Дело в том, что слабый пол принялся наперебой демонстрировать в лесу разные фокусы. Вроде спринтерского пробуждения бабочки из слу-чайной найденной куколки. Бабочка вылупи-лась совершенно тропическая, огромная, махро-вая – я здесь таких в жизни не видывал. Впрочем, я тот ещё энтомолог. Бабочка преспокойно ползала по крупитчатому весеннему снегу, пока мы на неё любовались, а потом улетела.

Другие чудеса я описывать не буду, всё равно никто не поверит. Упомяну лишь одно, наиболее безобидное и даже похвальное. Заживление порубленных берёз. Под ру-ками Ольги или Машеньки самые жуткие, самые глубокие шрамы от топора рубцуются за 1–1,5 минуты практически бесследно. У Филиппа на это уходит впятеро больше вре-мени, и на дереве после его врачевания ещё остается довольно безобразный наплыв коры. У меня не получается вовсе. Быть может оттого, что я никак не могу отстраниться от ощущения холода в ладонях (сок, который продолжает вытекать, почти ледяной – руки начинают мёрзнуть почти сразу и долго не отходят).

Итак, мы возвращались и беззаботно хохотали. Вечер обещал продолжение не-хитрых семейных радостей.

Омрачила его идиллическое течение злая весть, со скоростью звука разнёсшаяся по посёлку. В школе, в кабинете географии, ошалевшей со страха уборщицей была обна-ружена чёрная кошка, прибитая к классной доске ржавыми гвоздями-«двухсотками».

Поверх несчастного зверька вилась корявая и безграмотная, но разборчивая над-пись, выполненная кошачьей кровью.

ЛЮЦЕФЕР ПРИЙДИ!

СОПУТСТВУЮЩИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

– Блин, баклан, ты чё – совсем тупой? – рявкнул укололицый прыщавый парнишка, раз-драженно отбрасывая в сторону высосанный до фильтра чинарик. – Я же сказал – чёрную. Чёр-ну-ю! – проскандировал он.

Объектом его недовольства выступал круглоголовый, румяный, белобрысый и грязнова-тый мальчик, по виду – почти одного с ним возраста. Он угрюмо посмотрел на прыщавого и примирительно сказал:

– Не хайлай – не в лесу. Чёрных не видели. Рыжие есть, полосатые, с пятнышка-ми, а чёрных – не, нету. Скажи ему, брателло!

– Точняк, Клаус, нету чёрных. Да во всей Петуховке чёрных кошек – раз-два и об-челся. Какой дурак такую пакость себе заведет? Разве что ведьма. Их вообще с нуля в по-ганом ведре топят. Только вылезет из мамки, его – бульк, и кранты! А на Лёху больше не ори, врубаешься? Ты чувак крутой, с Демонами зажигаешь и всё такое, это я понимаю, но брателлу моего не тронь. А то клюв начищу – сам бакланом станешь. Без перьев, по-нял?

– Ладно, замаяли, – сказал Клаус. Братья пока признавали в нём главаря, однако, по правде говоря, старший мог легко урыть двух таких как он, до костылей. И даже не особенно вспотев. Поэтому чересчур выделяться не стоило. – Но эта не пойдет. Надо чёрную. Однозначно, понял меня, подонки? – отрывисто и очень похоже на оригинал выкрикнул он.

Все заржали.

– Дак я тогда выпускаю? – спросил Лёха.

– Выпускай, – разрешил Клаус.

– погоди, – остановил его старший. – Шустрый какой! Она мне все пакли исцара-пала, пока я её в сумку пихал. А сейчас выпускать! И с чего ты решил, что не пойдёт? – спросил он у Клауса. – Чёрная, серая – не всё ли равно?

– Нет, конечно. Ты, блин, кореш, в свой мопед чё – солярку заливаешь? Бензин! А мопед – железяка. Демон мне конкретно сказал – только чёрную. И лучше – совсем без белых пятен. Иначе ни фи́га не получится. Выпускай, Лёха.

Лёха перевернул дерматиновую хозяйственную сумку и принялся трясти. Кошка вылезать не желала. Она шипела и скоблила растопыренными когтями по стенкам сумки. Парнишка тоже шипел и тряс сильнее.

– Тормоз! Брось на землю, сама выскочит, – научил его старший. – Клаус, а кто он, Демон? Откуда он всё знает? Ну, как духов вызывать и всё такое...

– Ха, всё тебе скажи! Он мне вообще не велел распространяться... Узнает, что я вам про него говорил – убьёт! – Клаус, щедро пользуясь мимикой, показал, как Демон перережет ему горло. Вываливал язык, кривил губы, тарасил глаза. Братья с готовно-стью рассмеялись. – Ладно, слушайте. Только никому, ясно? Давайте, заботитесь на пи-дараса.

Братья сказали вразнобой: «Пидаром буду» и приготовились слушать.

– Он осенью из армейки вернулся. Десантура, понял! Вроде, воевал даже где-то. Клёвый парняга – я ваще тащусь! Такая машина, типа «Титанов реслинга». Носяра крючком, уши – во! Одного зуба впереди нету. Наколки везде. Черепа, змеи рогатые, кинжалы, тёлки голые. Ночью встретишь – обоссешься. Я его давно знаю, из нашего двора. Ну, погудел он месячишко после дембеля, бабульки кончились, поехал в Императ-рицын, в охранники устраиваться. А там ему и предложили... в общем, не важно. Он ме-ня в подвале зажал, когда я собирался кошку одной там старухи повесить. Мне этой ста-рухи зять за неё две пачки «Бонда» заплатил. Заколебала, говорит, тёща со своей Муркой. А мне чё? Мне не трудно. Валерьянкой подманил, цап – и готово! Ну, в подвале прово-лочку за трубу привязал, петельку скрутил, а тут Демон – оп-па, вваливает! Я, говорит, щас тебя самого в эту петлю засуну, зверёк. Я кошку ему в рожу бросил – и бежать. А он уже в дверях стоит! Схватил меня одной рукой и в воздух поднял. Вот так, понял! – Кла-ус, вытянув вперёд выпрямленную правую руку со сжатым кулаком, показал, как. – По-смотрел-посмотрел, потом говорит, ладно, говорит, живи, зверёк. Только, говорит, за-помни: по-тупому давить котейков щас отстойно. Только лохи так делают. А я, говорит, могу научить ваще прикольно. В жертву духам приносить. Я со страху согласился. Он и давай учить... Всё ещё грудина болит. Чуть что спутаешь – он хрясть в бубен! Знаете, как запоминается всё быстро! Если бы так в школе учили, все бы профессорами стали, бля буду! – Клаус умолк, видимо, заново переживая «уроки». Ухмыльнулся: – Зато когда я семь штук в жертву принесу, меня в братство примут.

– А нас? – спросил мучимый любопытством Лёха.

Клаус с жалостью посмотрел на него:

– Кого «нас»? Ты, блин, точно тупой! Если я проболтаюсь, что с вами базарил, мне сразу репу оторвут. Ты чё, думаешь, тут шуточки? Слышал по телику, люцифериты всяких бомжей казнят?

– Ну.

– Хуйну! Демон и есть оттуда. Это они Сатану вызывают, врубаешься? Когда Са-тана придет – всё по кайфу будет. Жратвы всем навалом, бухла, прикид самый крутой. Чурок всяких вкалывать заставят, а Россия станет самой главной в мире. Америкосы за щеку у нас будут брать и радоваться, что разрешаем.

– А чё, Сатана, что ли, такой хороший? Он, вроде, в ад всех тягает, а там на ско-вородках жарит, – поведаль Лёха с сомнением. – Ни фи́га не клёво, если он здесь появит-ся. Меня чё-то пока на сковородку не манит. Скажи, Серый!

– Базара нет, – согласился с ним старший.

– Ну, вы как лохи! Это всё попы насвистели, ясно? На самом деле Сатана ваще конкрет-ный мэн. И духи его, черти разные – тоже братва клёвая. Вот вызовем одного, сами увидите. Будете по своей деревне на гоночных Хондах рассекать!

– Ладно гнать, – сказал старший. – Ещё никого не вызвали. Да и твой Демон, он чё – Мерс у духов выпросил? Он, может, сам свистит.

– Не. Ему ничего не надо. Он за принцип, понял? Россия – чемпион, все осталь-ные – в жопе. Когда так будет, все на Мерсах и на Хондах ездить будем. – Клаус помол-чал. – Я, типа, тоже за принцип. Победа или смерть, поняли? Вот так.

– А я вспомнил, где чёрная кошка есть, – сказал вдруг Лёха. – В школе, в столо-вой!

– Точно, – поддержал его старший брат. – Постоянно мясо хаваёт да рыбу. Жир-ная, сволочь!...

– Тогда сегодня вечером забуримся? – предложил Клаус.

– Базара нет, – сказал Серый, а Лёха кивнул.

В двенадцатом часу вечера по заднему школьному двору прошмыгнуло три маль-чише-ских силуэта и растворилось в тени стены. Коротко вжикнула застёжка-молния на сумке, звяк-нуло железо.

– Дурак, нафига ломать? – громко и недовольно зашептал Серый. – У меня ключ есть. Не совсем подходящий, но маленько поковыряться, дак откроется.

– Вы чё, уже лазили? – спросил Клаус, пряча обратно в сумку небольшой гвоздо-дёр.

– Не раз, – сказал Серый, осторожно отворяя дверь запасного выхода. – В учи-тельской видик, и окошки хорошо зашториваются. Мы порнуху смотрели. Лёха вон все трусы обкончал.

– Сам ты обкончался, – вскипел Лёха. – Мне наоборот противно было. Фигню ка-кую-то смотрели. По баням подсекать и то баще.

– А сторож? – вдруг опомнился Клаус.

– А у сторожа дом через дорогу. Он как в десять уйдет, так только к пяти заявится. Дома-то спать всяко баще.

– И вы до сих пор ничего не стырили? – поразился Клаус. Братья отрицательно и с долей недоумения покачали головами. – Вы точно лохи! – вынес Клаус вердикт.

– Сам ты лох. Тебе хорошо, ты нездешний. А у нас если мамка узнает, что мы че-го-нибудь украли – палец отрубят, – пожаловался Лёха. – Скажи, Серый!

– Базара нет, – подтвердил с уверенностью в голосе старший. – А батя узнает – вообще убьёт.

Клаус завел глаза и резко выдохнул: «п-х!», выражая крайнюю степень изумления и пре-зрения. Про себя он решил, что непременно воспользуется валяющейся прямо в руки удачей. Чуть позднее. Например, на будущей неделе.

Из-за темноты никто из братьев его пантомимы не увидел и не оценил.

Быстрым шагом мальчишки добрались до столовой. Серый посветил зажигалкой. Возле двери, свернувшись калачиком, спала крупная собака. Клаус вздрогнул и замер, прикрываясь сумкой. Суки тормозные, думал он о братьях, медленно пятясь. Блин, сей-час нам всем хана!

Собака лениво подняла голову, насторожила острые уши, понюхала воздух. А за-тем устроилась в прежней позе и, кажется, снова задремала. Братья, мало обращая на неё внима-ние, действуя умело и слаженно, вынули из двери узенькую дощечку. Было ясно, что дощечка выполняет чисто декоративные функции. Лёха просунул внутрь руку, не-долго покопался, замок щёлкнул и дверь распахнулась. Старший присел к собаке и при-нялся поглаживать, тре-

пать за ушами, что-то успокоительно нашептывая. Собака без особого энтузиазма постукивала хвостом по полу.

– Быстро проходи, – скомандовал Клаусу Серый. – Только не бегом.

Клаус повиновался. Стоило ему очутиться в столовой, Серый оставил собаку, в два шага догнал его, и захлопнул за собой дверь.

– Пересрался? – спросил он, внимательно изучая в трепещущем свете пламени зажигалки лицо Клауса. – Здоровенная, да?

Клаус не ответил. Он немилосердно корил себя, что связался с этими придурками. Но Демон сказал: всех кошек надо кончить в Петуховке. Семь штук, одна в одну. Это – важно. Иначе никакое братство люциферитов Клаусу не светит. А светит петелька на шею. «Пусть она здесь и останется, – усмехнулся Демон, подёргав проволоку, что гого-вил Клаус для “заказанной” Мурки. – Как напоминание, что ты – мой должник. Во вре-мени не ограничиваю. Главное, чтобы ритуал был соблюден. А поймут...» Он много-значительно посмотрел Клаусу прямо в глаза. Молча, щерясь широким тонкогубым ртом с дырой на месте одного из верхних резцов. Клауса прорвала дрожь. Он совершенно чёт-ко понял, что попадаться нельзя ни в коем случае.

– Где она? – спросил Клаус. – Кис-кис, эй, топай сюда! Гляди, у дяди Клауса ва-лерья-ночка для тебя! Кис-кис-кис! А вдруг её нету? – забеспокоился он. – Может, она гу-лять ушла?

Опровергая его слова, откуда-то из-за дальних столов показалась кошка. Видимо, запах валерьянки раздражил её чуткие ноздри даже на таком солидном расстоянии. Чем меньшая дистанция их разделяла, тем быстрее двигался зверек. Последние метры до ду-шистой лужицы, растёкшейся на полу, кошка преодолела тяжёлой рысцой. Короткий, кривой на кончике – не иначе, сломанный и неправильно сросшийся – хвост торчал тру-бой. Она действительно была очень толста, короткая гладкая шерсть лоснилась. Сытая жизнь при кухне шла ей впрок.

Кошка противно мяукнула и начала лизать пол, ничуть не смущаясь присутствия мальчишек.

– Короче, чуваки, – сказал Серый задумчиво. – Облом. Она же, как налижется, сдуреет. Нам её не взять тогда, железно. Да и вообще, как мы её прибивать будем? Исца-рапает же в кровь. Надо чё-то типа мешка.

– Я могу курточку отдать, – с готовностью предложил Лёха.

– Новую-то? – пронзил его недовольным взглядом Серый. – Да ты офигенно крут, брателло! Ты ещё трусы свои отдай.

Лёха поскуchnел. Серый не унимался:

– Клаус, ты чё молчишь? Ты об этом не подумал, что ли? Или мы её сначала кок-нем? А чем, гвоздодёром?

– Отставить кокать! – с ноткой превосходства сказал Клаус. – Я в валерьянку сно-творное добавил. Щас отрубится.

Кошка, досуха вылизав пол, принялась тереться об него мордой, смешно буксуя задними лапами, выгибаясь и перекатываясь через спину. Не прошло и минуты, как её движения сделались замедленными, неуверенными. Наконец она замерла, лёжа на боку, только передние лапы с растопыренными когтями чуть подрагивали.

Клаус тронул её ногой. Кошка не отреагировала. Тогда он взял её за хвост и под-нял высоко в воздух, демонстрируя братьям. Затем почти бережно уложил в сумку.

– Где пришлѐпаем? – спросил он. – В учительской?

– Не, лучше на географии. Во, Георгин порадует! – сказал Лёха. – Брателло, прикинь, на географии клѐво будет?

– Базара нет! – сказал Серый, злорадно ухмыляясь.

Школа сделалась уже совсем тёмной, и идти по ней было жутковато. Спотыкаясь, под-бадривая друг друга матерками и насмешками, они поднялись на третий этаж. В са-мой глу-

бине рекреации, возле огороженной решёткой железной лестницы, ведущей на чердак, располагался кабинет географии. Тут, в тупике без окон, темень стояла запре-дельная, такая, что казалось, её можно черпать горстями. От чердачного люка припахивало пылью и голубиным жильём. Лестница, ведущая из тупика вниз, была заперта хлипкой двустворчатой дверью с висячим замком. Пожарная безопасность нарушалась прямо-таки вопиюще, зато уборщице не приходилось мыть дополнительные лестничные марши.

– Мрак – могильный, – попытался разрядить обстановку Клаус, но вышло только хуже.

– Ты думай, чё говоришь! – озлобленно набросился на него Серый.

Огонёк зажигалки, который он из экономии убавил до минимума, ругая себя за то, что не догадался прихватить фонарик, только усугублял положение. В зарешеченном углу метались тени и, кажется, что-то копошилось. Лёха вдруг запаниковал, отбежал к широкому центральному окну, из которого сочился кое-какой свет от луны и фонаря в школьном дворе, и звенящим голосом сказал, что всё, останется тут. А если его попытаются от окна оттащить, он так заорёт, что мало никому не покажется. Он вцепился в ба-тарею парового отопления как клещ и смотрел на товарищей огромными, блестящими от слёз глазами. Его было не узнать.

– Ладно, брателло, будешь на шухере стоять, – решил Серый. Он как-то неожиданно сделался на этот момент главным. Наверное, потому что владел зажигалкой. Да и собой он владел лучше остальных. Впрочем, Клаус не возражал. Он сам еле сдерживался, чтобы не броситься прочь, визжа во всё горло.

Ключ, которым отпирали запасной выход, подошёл и к кабинету. Серый, едва войдя, тут же проскользнул к окнам и опустил жалюзи – класс географии был специально оборудован для просмотра учебных фильмов.

Клаус принялся разгружать сумку. Первой появилась кошка – всё такая же неподвижная, расслабленная – словно тряпичная. Когти у неё уже втянулись. Клаус для чего-то взвесил её на руках и положил на первую парту. Потом достал четыре чёрные витые свечки, вставил в баночки из-под майонеза, разместил по углам учительского стола и зажёл. Затем на столе появились потрёпанная общая тетрадь, пластиковая бутылка с водой, кучка ржавых – среди них даже было несколько погнутых – гвоздей. Молоток, рулон изоляционной ленты на матерчатой основе, неширокая малярная кисть и ярко-белый комок не то ваты, не то синтепона. Клаус задвинул сумку ногой под стол и стал обматывать кошачьи лапы ватой, а поверх ваты – изолентой.

– Зачем это? – не понял Серый. – Для крепкости?

– Ты не тупи, – сказал Клаус, продолжая работу. – При чем тут крепкость? Чтобы в кровичке не измазаться.

– Клёво придумал! – восхитился Серый. – А мне щас чё делать?

– Не базарить, понял? – К Клаусу вернулось ощущение собственной значимости. Он процедил: – Смотри и учись. Потом поддержишь её, пока я буду приколачивать.

Серый подошёл к классной доске, постучал по ней костяшками пальцев.

– Фиг ты тут чё приколотить, – засомневался он. – Доска-то из текстолита, а гвозди у тебя говённые. Сказал бы мне, я бы хороших взял. И то – фиг знает, войдут или нет. Дрелью бы надо сперва...

– У меня войдут, – уверенно сказал Клаус. Он закончил с кошкой, обмотав напоследок лентой морду, достал из внутреннего кармана курточки крошечный бумажный пакетик, осторожно развернул и поднес к носу.

– Ты чего? – опасливо спросил Серый.

Клаус зажал одну ноздрю пальцем и громко втянул воздух свободной. Постоял, опустив руки и трясая головой, облизнул бумажку, смял и запихал в карман.

– Ничего. Без дури нельзя, понял? – сказал он и с бульканьем отхлебнул из бутылки. Вода побежала у него по подбородку. – Иди сюда, хватай кошака. Прижмёшь брюхом к доске. Ну, шевелись, чё тормозишь?

Серый подошёл, двумя пальцами потрогал кошку и сказал:

– Блин, Клаус, ты не ругайся только. Я, короче, чё-то не могу. Прикинь, мне чё-то страхово так... Вообще шило! Ломы такие... Может, я пойду лучше? На фиг я тебе ну-жен?

Клаус со стуком поставил бутылку на стол, повернулся к нему и ожесточённо прошипел:

– Ты, тупой! Как я без тебя гвозди забивать буду – одной рукой что ли? Давай хватай и держи! Если ссышь, глаза закрой. Баклан, твою мать! Ур-род!..

Серый вдруг почувствовал себя совсем крошечным – может, пятилетним, а может, и того меньше. Он, обмирая, поднял тёплое мягкое тельце, двинулся обратно к доске, держа его на вытянутых руках и поскуливая: «Клаус, слушай, чувак, давай бросим это дело, а? Всё равно же ни фига не получится. Давай лучше видик из учительской уведём, а? На фиг тебе это братство дурацкое, а?» Клаус, шумно дыша через рот, глядел на кошку бешено-восторженными глазами. Молоток в его руке мотался и дёргался, как живой.

Серый вздрогнул: пальцы припечатались к холодному текстолиту.

– Брюхом. К доске! – отчеканил Клаус. – Так. Лапы врозь. Зашибись!

Он размахнулся.

Удары смолкли. Серый, опустив глаза, чтобы не видеть того, что, слегка подёргиваясь, висело сейчас на классной доске, попятился, развернулся и почти бегом ушёл на «камчатку». Там он сел лицом к двери и сгорбился.

Клаус ополоснул руки, обтёр о штаны. Отхлебнул глоток воды, прополоскал горло, сплюнул и раскрыл тетрадку.

Он начал монотонно нараспев читать, лишь изредка повышая тон – в конце фраз, а у Серого вдруг дико заломило во лбу и в затылке. Хоть вой. Замолчи, хотел крикнуть Серый. Заткнись, Клаус! Но язык наполовину вывалился наружу и болтался без толку, сухой, шершавый, как бумага. И всё-таки, всё-таки с него капало. С языка. Слюна. Или это сыпался песок? Серый поднялся и, пошатываясь, охая на каждом шагу – удары ступней о пол, даже самые осторожные, отдавались новыми вспышками боли, – поплёлся к ставшей вдруг недостижимо далёкой двери.

Клаус читал:

– Птицы воздуха белые, птицы воздуха чёрные, птицы воздуха пёстрые... Здесь ваше сердце! Здесь! Рыбы воды белые, рыбы воды чёрные, рыбы воды пёстрые... Здесь ваше сердце! Здесь! Гады земли белые, гады земли чёрные, гады земли пёстрые... Здесь ваше сердце! Здесь! Саламандры огня белые, саламандры огня чёрные, саламандры огня алы-е... Здесь ваше сердце! Здесь! Здесь!.. Листья воздуха живые, листья воздуха мёртвые, листья воздуха трепетные... Здесь ваши корни! Здесь! Струи воды живые...

Серому оставалось пройти совсем чуть-чуть, почти ничего – шаг, полшага, – ко-гда дверь рывком отдалилась. Серый разочарованно вскрикнул. Его обдало сладким воздухом – прохладным, без душного тепла плавящегося стеарина. В возникшем на месте двери глубоком как колодец проёме стоял кто-то, серебристый от шеи до паха, и Лехиным голосом истошно вопил: Серый-серый-серый! А-а-а! Наверно, обеспокоено подумал Серый, это всё-таки брателло. Ветровка его и голос вроде его. Вот только что с ним случилось? Вниз от блескучего кокона курточки брателлы Лёхи просто не было, а было что-то ветвящееся десятками тонких грязно-зелёных прутиков, пребывающих в беспрестанном движении. И вверх от курточки Лёхи не было тоже. Только крик. Се-ерый! Се-ерый! Серы-ы-ы... Брателло! Та-а-а-ам!

Серый сделал ещё один шаг, переступил границу кабинета... и сразу стало легче. Брат приобрёл нормальный вид – серебристая ветровка, камуфляжной расцветки широкие штаны, испуганная, но бесконечно родная рожа.

– Чё ты орешь? – встряхнул Серый Леху. – Чё, ну?!

– Там тетка. В окошке тетка. Большущая. Страшная. Бля, брателло, здесь же третий этаж, как она могла, а? Брателло, надо сваливать!

– А ну, глянем, – сказал Серый. Ему было стыдно за себя («Чё я, дряни какой-то надышался у Клауса, что ли?», – думал он), и он желал реабилитироваться. Перед братом. А в первую очередь перед собой.

– Дурак, не ходи туда. Отсюда гляди. Вон, – махнул рукой Лёха. – Третье от нас окошко. Не, не – второе! С-с-сучка... Всё ещё тут!

Серый присмотрелся – и попятился. За стеклом маячило бледное, серо-свинцовое женское лицо, словно бы подсвеченное изнутри мертвенным, серым же. Огромные чернильные глаза, гладкие чёрные волосы, зеленовато мерцающие зубы. Просвечивающие сквозь кожу тонкого с небольшой горбинкой носа червеобразные каналы ноздрей. Вишнево-чёрные губы – плоские, как раздавленные. Лицо, превосходящее размерами обычное человеческое раза в два, то приближалось, растекалось по стеклу жирным пятном – и стекло делалось мутным, то отдалялось – и становилось видно колышание рваных сизых тряпок, вырастающих из затылка и короткой, жестоко разодранной шеи. Худые ломаные пальцы без ногтей елозили по раме, отбивая неприятный ритм, созвучный с заклинаниями Клауса, и плохо закрепленное стекло глухо дребезжало.

– Белая Баба, – выдохнул Серый. – Молитву читай, Богородицу!

– Богородица Дево, радуйся... – начал Лёха торопливо, но вдруг сбился: – Э, брателло, фиг там! Богородица – бесполезняк, отвечаю! Блин, это не Белая Баба! Она же на Троицу вылетает. А щас! До Троицы ещё... Это же дьяволица к Клаусу прилетела! – осенило его вдруг. – Тикать надо! – взвизгнул он.

Серый тоже читал Богородицу, укладывая на грудь один за другим размашистые двуперстые кресты, напрочь забыв о том, что ещё совсем недавно собирался приобщиться к богомерзкому промыслу. Но и до него уже стало доходить, что надёжнейшее средство прогнать прищелицу не помогает, а потому уговаривать его не пришлось. Он ринулся на дверь, запирающую лестницу, мощно протаранил её плечом раз, другой; проушина, на которой висел замок, вылетела, и братья понеслись вниз, перелетая через три ступени.

Вслед им несло и несло унылое:

– ...угли огня жаркие, угли огня стылые, угли огня в прахе, в золе-е-е...

Дневник Антона Басарыги. 2 мая, пятница.

Отдыхаем, празднуем. Теплынь стоит – непередаваемая. Родственники ещё по-утру отбыли в уезд. Повезли Машеньку глядеть кукольный спектакль. Гастролирует театр Образцова. Если это даже не «липа», думаю, приехал отнюдь не первый состав. Ну, да и это в нашей-то глуши удивительно – почти за гранью фэнтези. Ещё в культурной программе мороженое, колесо обозрения и комната смеха. Я остался стеречь дом от цыган, которых понаехало, пускать скотину – когда она воротится с пастбища, и ждать Ольгу. Она сегодня на службе, у неё какой-то очередной финансовый отчет.

В начале месяца.

Надеюсь, это не означает прискорбного факта, что у меня проклёвываются рога.

Город наш уездный, где гостит театр кукол, зовется прелюбопытно: Сарацин-на-Саране. Сарана – река, Сарацин – незнамо кто. Хоть существовал в реальности и сказок о нём – уйма. С достоверными документами хуже. Скупое, мало, неправдоподобно. Версии краеведов о его

этнических корнях расходятся. В народе любовью пользуется следующая легенда, официально подвергнутая остракизму и осмеянию за нагромождение хроноло-гических ляпсусов и идио-матических нелепиц:

(Воспроизвожу в собственной редакции.)

Сарацин, смуглый мавританский однорукий рыцарь с кривой саблей, приехал в здешние края при Царе Горохе и Царице Полянице из страны Гишпани, провинции Гранада, с конной полусотней чёрных лицом головорезов. На родине он был приближенным самого Абу Абдаллаха, но вызвал монарший гнев, окрестившись в православие и окрестив личную гвардию, гарем, а также любимого наложника Абы. Сарацин был уда-лец. Здешнему вольному люду поглянулся оттого сразу. Способствовала росту народного расположения и его товарно-денежная щедрость и пушка, коей сарацинские янычары расстреливали царёвых сборщиков пода-тей, несогласных со свободолобивой политикой новоявленного князька. Самочинно возвел он деревянную крепость на высоком берегу Сараны, церковь Святого Александра Невского, и наладился создавать Великую Право-славную Тмутаракань. Крепость назвал Новым Белым Саркелом. Султан-королем, ни-чтоже сумняшеся, провозгласил себя. Без дозволения опять же государя Гороха и госуда-рыни Поляницы. Горох, знамо, осерчал: «Где налоги? Какая ещё тьфу, Таракань? Ах, не-зависимый эмират! Вольный шахиншах! Бунтовать вздумали, негодные! Ну, погодите у меня уж!» Свистнул Горох с Дона казаков, туго учёных борьбе с басурманами, и Сара-цину в два счета дали по шапке. И не только по шапке. Башку ему оттяпали тут же. Но не потому, что поторопились, а потому что в горячей сече. Нахлобучили её на высочайший кол подле крепостных ворот и не велели снимать. Рядом, на колах пониже, торчали голо-вы соратников. Их клевали вороны, а главу Сарацина почему-то нет.

Зато она светилась по ночам глазами и вещала. Некоторые пророчества звучали не по-русски, население их не понимало. Приглашали соседей-башкир, марийцев и про-чих черемис – те не понимали тоже. Один из уцелевших янычар понимал, но у него был усечен язык, вырваны ноздри, выколоты глаза, на лбу выжжено царско клеймо, он был оскоплён и навек закован в колодки. Сами соображаете, какой от этакого толмача прок. Пророчества, однако, сбывались вне зависимости от языка, на котором реклись. Не все были хорошими. Плохие определялись по отрицательной реакции сарацинского спод-вижника. Он принимался исступленно мычать и биться в падучей. Когда тот умер – по результатам. Так, слова о пришествии известного в те годы смутьяна Емельки Пугачева – сбылись. Как обещала голова, крепость пала, с остатками гарнизона поступили мятежни-ки без разных там экивоков. Емельян, пьяный от победы, пришёл к голове (уже в то вре-мя черепу) с благодарностями и подарком – шёлковым тюрбаном. Голова пообещала ему скорую перемену в судьбе, расставание с удачей, а также схожесть грядущего конца со своим собственным. Емельян расхохотался: «Это я и сам знаю! Ты конкретней давай – царем перед тем стану али нет?» Голова привычно увильнула от ответа в дебри инозем-ной лексики. «Будь ты живой человек, я б тебе за такую хитрожопость...» – пригрозил невнятно Емельян, но не уточнил, а махнул рукой да отправился дальше пировать.

Тюрбан вышел голове велик. Чтобы не спадывал, приклеили его столярным кле-ем. Клей в те годы варили качественный, шапка держалась намертво...

Этим легенда практически кончается. На изумруд во лбу новой сарацинской чал-мы кто-то позарился, или ещё как, однако же вскорости на колу было пусто.

Где говорящий череп сейчас, никто не знает.

А город в конце концов либерально назвали именем неудачливого мавританского свобо-долобца.

Выдавшееся свободным время мещански проводил у телеэкрана. Ну не с дозором же ходить вокруг усадьбы, отпугивая вороватых детей степи и ветра деревянной коло-тушкой, в самом деле!

По MTV давали Кайли Миноуг. Аппетитная австралиечка с сексуальным голосом и сексуальным же телом пела и приплясывала в австралийской какой-то забегаловке, возбуждая в мужчинах мужское. Оператор клипа работал мастерски, концентрируя внимание зрителя на наиболее выигрышных точках Кайлиной фигуры. Поскольку возраст девушки перевалил уже за роковой тридцачик, а силикон нынче не в моде, камера скользила преимущественно по участку пониже спины и участок этот, полуприкрытый коротюсенькими рваненькими джинсовыми шортиками, был выше всяких похвал, признаю. Грудь её, коя без силиконовой подмоги поддалась уже гнёту лет и земного притяжения, в кадр практически не попадала, зато попадали губы – яркие и чувственные – загляденье просто!

Я помаленьку вождедел, капельку завидуя посетителям забегаловки, перед которыми она вытанцовывала. Потом веселье кончилось вместе с клипом, но австралийская Минога появилась в следующем ролике – на пару с inferнальным красавчиком-брюнетом Ником Кейвом. Красавчик сдержанно гудящим голосом выводил под завораживающую музыку минорные рулады, нежно лаская тело прекрасной утопленницы, которую девушка-Минога и изображала. Картинка была некротически-прекрасна: прозрачная вода, прозрачное одеяние, облипающее бледное женское тело, полумрак австралийского прибрежного леса, скольжение бабочек, солнечных лучей, дробимых листвой. Скольжение речных струй, колыханье камышей и осоки... и всё возрастающее ощущение, что мужичок сам же и притопил подружку, дабы создать подходящее этому пейзажу настроение.

Потом на экране возникло около десятка голых отечественных, ущербных голоса-ми и фигурами однодневок, сипло BLEЮЩИХ что-то о любви трагической и несчастной. Бездарность этих горе-канареек была столь велика, что я совсем отключил телевизор.

Опустевшее информационное пространство тотчас заполнили ворвавшиеся через окна громкие голоса с улицы. Напротив дома, ровно посреди дороги, как это у нас принято, стояла стайка девок лет пятнадцати-семнадцати и беседовала. По-простому, по-нашему же. По-пейзански.

«Я, такая, ему говорю: «Да пошёл ты, козлина!» А он, такой: «Я ща пойду! Я ща так пойду, что ты окуеешь!» А я ему, такая: «Сам не окуей, гондурас». А он, такой...»

Или что-то в этом роде.

Девахи были ничего себе – кровь с молоком и сало с пряностями. Что и демонстрировались всем желающим посредством юбочнок и майчонок позапрошлого модного фасона. Особого внимания и особой отметки заслуживали ножки – пропорций прямо-таки аллегорических. Каждая из ножек, взятая в отдельности, превышала объемами, должно быть, две моих, накачанных по методу исторического силача Евгения Сандова (он же Юджин Сэндоу), вычитанной мною в стареньком номере журнала «Спортивная жизнь России». Децибелов девичьего разговора не способны были бы удержать в узде никакие оконные блоки от фирмы «Евровиндоу». Тем паче наши, производства местного деревообрабатывающего комбината.

Я откинул крючок, распахнул рамы и позвал: «Эй, подружки!»

Они приумолкли, обернулись.

«У меня ребенок маленький спит, – не моргнув глазом, соврал я. – Давайте, орите потише. И где-нибудь в другом месте».

Девки недовольно фыркнули, буркнули, плечиками дёрнули и, показательно отсчитав шагов как бы не десяток в сторону, возобновили высоко информационную свою и громозвучную беседу.

Я окна не закрывал и продолжал с укоризной изучать их сплоченную общим кругом интересов группу. Было им от этого, по всему видать, неуютно. Так неуютно, что одна из девушек, самая толстомясая, решилась на крайнюю отпугивающую меру. Повернувшись ко мне спиной и закинув подол свой (длиною хорошо коли в четверть) наверх, тряхнуть несколько раз необъятным задом, туго обтянутым широкими розоватыми трусами, из стороны в сто-

рону. Представление сопровождал глумливый смех подружек и шумный звук пущенного смелой девушкой ветра.

Я с немалым трудом одолел дрожь – не похоти телесной, нет – ужаса почти экзистенциального. В долгу оставаться нельзя было ни в коем разе. Тем более, супротивник с нетерпением ждал – либо ответного хода, либо признания поражения. Соорудив на лице гримасу высокомерия, я захватил щепотью нос и шумно-шумно, с переливами, бульканьем и хлюпаньем высморкался. Быстрые умом деушки сообразили, что содержащееся сей-час в моей горсти – не что иное, как плата за их интимную красоту, и, сдержанно ропща, тяжелым полугалопом отправились восвояси. Стриптизёрка, приобретшая вдруг цело-мудренность, пыталась на ходу опустить нижнюю границу задираемого недавно предме-та одежды до уровня минимального приличия, однако же тщетно.

Торжествуя, я закрыл окно. В ладони моей ничего не было. Ничегошеньки. Чиста она была, аки рука сказочного чекиста из утопии, пригрезившейся товарищу Железному Феликсу в припадке раскаяния за содеянное в прошлом, настоящем и вероятном будущем.

Приему этому, с соплями в горсти, которых на самом-то деле и нету, обучил меня в Чебаркульской учебке младших командиров «замок» наш, старший сержант Грошевский, по прозвищу Блямба. Очень это весело получается, когда сует тебе руку для пожатия какой-нибудь малоприятный в общении, но надоедливый человечек, а ты эдак фее-рически сморкаешься в ладонь да и жмёшь с открытой улыбкой протянутую грабельку. Смена выражений на лице контактного организма просто потрясает – уверяю вас! От безграничного ужаса через безграничное же блаженство к полной враждебности. Особ-ливо к враждебности, ежели имеются в зоне контакта пристрастные зрители, не обременённые чувством ложного интеллигентского такта. Каковых в армейских частях, как водится, – исключительное большинство.

Некоторое время я лежал на диване и наслаждался эйфорическим мироощущением триумфатора.

А затем пришла моя Оленька, которая могла без малейшего труда заткнуть за пояс, охватывающий её талию, десяток австралийских миног – в плане сексуальности, уточняю. И я, истосковавшийся, повлек её в интимный дортуарчик наш, в бесстыдный вертепчик наш, на просторное наше ложе любви...

...Оленька моя сидела на краешке кровати – голышкой неземной совершенно и совершенной неземно – и расчёсывала волосы. Волосы у неё длиннющие, тоненькие и мяконикие, что у младенчика, и в страсти путаются – беда! Вот она их и расчёсывает по-сле: перво-наперво гребешком, затем «массажкой», а затем уж и щёткой густой – конского жёсткого волоса. То на грудь она их перебросит через левое плечо, то мотнёт головой – летят они крылом платиновым, драгоценным – и падают на правое плечо, то свесит их водопадом перед лицом, склонив головушку так, что трогательный её затылочек обрисует, а я смотрю – любуюсь, глаз отвести не смею. И нежность – невыразимая...

«Антон, – сказала она негромко и посмотрела на меня так, что я сразу вскочил, полный нехороших предчувствий. – Антон, вчера ночью в школе сатанисты опять кошку распяли. Я за Машку боюсь, Антон». Губы у неё задрожали.

Я бросился обнимать её и успокаивать, но она таки расплакалась.

Сволочи, думал я, прижимая её к себе. Какие же сволочи! В каких подвалах взросло это дьявольское отродье? Эпидемия же прямо какая-то! В нашей-то деревне, по-нятно, подростки-дегенераты модному веянию подражают. Скорее всего. А вообще? Губерния содрогается. Страна пока не содрогается, следит издали, но тоже, надо думать, не в восторге. Мразь же чёрная лютует. «Люцифериты», ни дна им, не покрывки! Кто та-кие? Власть безмолвствует. Губернатор наш, орёл, коего корреспонденты посетили в Альпах, где он катается на лыжах, проводя отпуск, отмахнулся раздражённо. Чепуха, дескать! Бабы сказки, дескать. Не стоит разводить панику, дескать. Гляньте на меня – не волнуюсь же, вот и вам не нужно. Всё чики-

чики, под контролем. Преступность у меня знаете, где? Вот она где у меня, в кулаке! Уяснили? То-то же! Идите с богом, не мешайте с горки скользить.

Говорю же, орёл.

А люцифериты? Положили они на губернатора. Денег у них, говорят, до чёрта и адвокаты лучшие. И транспорт, связь, компьютерные сети. И лапы когтистые во всех властных структурах. Боевики у них, говорят, высший класс, притом едва ли не поголовно смертники. Аналитические отделы у них, говорят, высший класс, притом едва ли не поголовно гении. Всё у них высший класс. Прокламации цветные, на глянцевой бумаге, как снег летят.

«ОН идет! ОН почти пришёл! 666 ступеней осталось ЕМУ преодолеть. Знайте, ОН преодолет те ступени! И взрастет Великая Россия! ОН – семя! Мы, “Предстоящие свету Люциферову”, ЕМУ поможем! Бомжи, извращенцы, преступники и наркоманы будут распяты во имя ЕГО. Не бойтесь этих смертей, они – ступени; они – во благо. ЕМУ. Нам с вами. Преклоните головы перед НИМ, и ОН не обойдёт вас своей милостью! Мессии, приходившие до него, были слабы. ОН будет могуч! Церковники оклеветали ЕГО, изол-гали путь ЕГО, а ведь это ОН превратил нас в людей! ОН любит нас! ОН изринет сквер-ну из нашей жизни, наполнит её новым содержанием, распахнёт невиданные горизонты перед нашими детьми! Радуйтесь, соотечественники, ибо мы – избранные ИМ!»

Восклицательные знаки, везде восклицательные знаки.

«ОН».

Как же это прохлопали те, кому положено знать всё обо всех? Ладно бы одна группа сатанистов была. Ну, две, пяток. А то ведь десятки! Счёт человеческих жертв уже по слухам на десятки идёт! И какого рожна им в нашей отдаленной губернии надо? По-чему гнездо их гниlostное здесь? Неужто и в самом деле тут, у нас, народится Анти-христ?

Чёрт, этак с катушек слететь недолго.

Чёрт?!!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, короткая, в которой я сперва исполняю роль короля лгунов, а затем – заинтере-сованного читателя

– Уже приступил, – сказал я бодро в трубку, честно помахивая перед телефоном перекрёщёнными пальцами свободной руки в знак изрекаемой лжи. А то, что Большой Дядька этого не видит, так это уж его проблемы. Я придал голосу оттенок доверительно-сти: – Не скажу, что прочёл до самого конца, но – приступил.

– Ну и как вам? Нравится? – спросил Игорь Игоревич.

– Заинтригован. – Я понимал, что ступил на неверный лёд обмана враз обеими ногами. Тонкая корочка предательски похрустывала; под нею же разверзлась бездна. Единственное, что могло меня спасти – суеверно скрещённые пальцы. Я продолжал са-мозабвенно врать: – Местами так, пожалуй, и вовсе поражён.

– Что думаете предпринять? – прямо в лоб засветил мне конкретный вопрос Игорь Игоревич.

Предпринять? Если б я хоть знал, что к чему. Появившись для правдоподобия и задумчиво хмыкнув, я сознался:

– Знаете, пока не определился. А стоит ли вообще что-либо предпринимать? Мо-жет, пусть всё идет как есть?

– Ага, наш осторожный друг всё-таки решил вильнуть в кусты... – невесело сказал сам себе Большой Дядька. – Что же, Филипп, это ваш выбор. Достаточно разумный. Не смею осуждать.

– Погодите, вы не поняли. Никуда я не виляю. Просто... Игорь Игоревич, – выпалил я наугад, – вам не кажется, что это ваше «Фуэте» – полная ерунда?

Пальба в белый свет приносит иногда неожиданные результаты. Вот и я – ухит-рился, похоже, попасть. Причём в довольно чувствительное место.

– Во-первых, оно не моё, – обиделся сеньор Тараканни. – А во-вторых, такие (он выделил голосом это «такие») совпадения не могут быть ерундой. Тем более, полной. Я вам, Филипп, советую взяться, и дочитать-таки рукопись до конца. Может, тогда и по-убавится у вас скепсиса. Ариведерчи!

Сказав умолкшей трубке «пока», я со вздохом поплелся на поиски злополучной папки. Отыскал, раскрыл, вздохнул вторично – куда как протяжнее – и нехотя принялся читать. Однако уже в третьем абзаце повстречал самого себя – в роли длинноволосого качка со спортивной сумкой... и втянулся.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ФУЭТЕ ОЧАРОВАТЕЛЬНОГО ЗЛА

1. ...И ДОРОГИ

Автобус остановился. Пыль, сдуваемая на ходу ветерком, что врывался через рас-крытые люки и окна, густыми клубами повисла в салоне. Пассажиры поспешно ринулись наружу, толкаясь и весело сквернословя.

Дальновидные аборигены повскакивали с мест задолго до остановки – вместе со своими здоровенными сумками и рюкзаками. Костя сидел в самом хвосте автобуса, про-браться к передней двери по их примеру заранее не догадался, понадеявшись, что води-тель откроет заднюю.

Не тут-то было!

Утомлённый тряской дорогой, пылью и жарой Костя пасмурно решил сперва, что води-тель-извращенец таким образом издевается над людьми. Потом он разглядел обре-зок сплюс-щенной трубы, который стягивал раздвигающиеся половинки задней двери по-средством пары заржавленных болтов. По-видимому, решил Костя, дверь самопроиз-вольно распахивается на ходу, и не скрепи её намертво – могут появиться жертвы. Он вспомнил, как его самого под-брасывало на ухабах, тут же представил, что однажды не смог удержаться – вылетел на дорогу через неисправную дверцу... и простил водителя. Его милосердию способствовало и то, что выход наконец оказался свободен.

Подхватив с рубчатого резинового пола ранец, он бодро прошествовал наружу. И даже сказал шофёру спасибо. Шофёр увлеченно болтал со здоровенным, длинноволосым и тре-угольно-бугристым качком. У здоровяка из уха свисала серебряная серьга в виде древнееги-петского символа жизни, а с плеча – спортивная сумка, полная угловатого же-леза (о сумку Костя довольно чувствительно ударился боком). На Костину учтивость во-дитель не отреаги-ровал вовсе, словно не заметил. И то верно – не бог весть, какая важная птица: худой, невы-сокий мальчишка неполных шестнадцати лет. Пацан – так, наверное, здесь говорят. Качок же, почувствовав, что его дурацкую сумку кто-то задел, оборотился и широко улыбнулся Косте, оскалясь нечеловеческим количеством зубов, и сказав: «Ой, прости. Сильно ушибся, турист?» И даже вознамерился, кажется, потрепать Костю по плечу.

Костя отрицательно мотнул головой и поспешил прошмыгнуть мимо. Вдруг этот красав-чик-культурист с серьгой – педик? Запросто!

Дядю Тёму, симпатичного усатого мужика лет тридцати, с которым родители до-гово-рились о транспорте до Серебряного, Костя заметил сразу. Тот сидел бочком на не-моло-дом зеленовато-голубом «Иже» с коляской и играл в карманный тетрис. На дяде Тё-ме была надета застёгнутая под горло штормовка, и Костю это несколько удивило. В та-кую-то теплынь? Кстати, внешне дядя Тёма смахивал на покойного «квина» Фредди Меркьюри. Его тоже за педика примешь? – спросил себя Костя, и ему сделалось стыдно.

– Здравствуйте, – сказал он, подойдя к мотоциклисту, и улыбнулся, стараясь, что-бы получилось натурально.

– Привет, – отозвался дядя Тёма, не отрывая глаз от игры. – Ты Константэн? – уточнил он с некоторым квазифранцузским прононсом. – Подрос. Совсем большой стал. Полезай в люльку, одевай каску. Если есть курточка, тоже одень. Поедем быстро, – в од-ной рубаше живо-два продует.

Костя усмехнулся про себя. Константин! Француз, фу ты ну ты! «Одевай каску». А во что, позвольте поинтересоваться, её одевать?

Курточка у него была; он немного повозился с заедающей молнией, одержал по-беду и взялся за шлём. Шлём («каска») выглядел совершенно непрезентабельно: мутно-зелёный, поцарапанный, с маленьким расколотым козырьком и наушниками из потре-скавшегося кож-заменителя. Когда-то его оклеили для красоты полосками синей изоляци-онной ленты. Сей-час лента почти вся отклеилась, остались лишь грязные следы. Бр-р-р! Внутренний матерча-тый рант пропитался за долгие годы службы потом и отвратительно жирно поблёскивал. Костя натянул шлём поверх бейсболки, решив, что потом её обяза-тельно постирает.

Дядя Тёма проиграл вчистую, о чем пискляво возвестила победная мелодия тет-риса. Он легонько беззлобно чертыхнулся, сунул игрушку в карман и принялся заводить мотоцикл.

– Заедем ещё ко мне домой, ладно? – прокричал он, когда двигатель заработал. – У меня в Серебряном огородик, дак надо кое-чѐ туда отвезти.

Костя лишь кивнул. Он как раз пытался поудобнее пристроить в коляске ноги, но этому мешали: топор в чехле из обрезанного голенища болотного сапога, пустая десяти-литровая канистра, металлический ящичек, из-под полуоткрытой крышки которого вид-нелись мото-циклетные запчасти, гаечные ключи, отвѐртки и разные крепѐжные метизы. А ещё под ногами присутствовали большой моток веревки и свѐрнутая клеѐнка. Костя ставил ноги так и этак – всё зря.

Асфальт, пусть плохонький, оказывается, кончался сразу за автобусной остано-вкой. А ведь и начался-то совсем незадолго до неё, лишь на въезде в деревню... Дядя же Тёма выбирал путь для мотоцикла так, чтобы переднее колесо катилось по более-менее ровной дороге. Все рытвины в результате такой предусмотрительности ложились точно под колесо коляски. Костю трясло и швыряло, ранец с пожитками грозил вылететь за борт, да и полезные хозяйские вещи под ногами тоже не добавляли комфорта.

Ох, Россия, Россия. Дураки и дороги, твердил Костя про себя, словно молитву, ду-раки и дороги. Странно, но это заклятие каким-то образом помогало легче переносить лишения.

Мотоцикл остановился возле добротного бревенчатого дома. Перед домом росла рос-кошная старая ива, под сенью которой возили по песчаной горке игрушечные машин-ки два мальчика лет четырех-пяти. Песок был уже порядком прибит и притоптан, изрыт автомоби-льными трассами и тоннелями, украшен строениями из щепок и деревьями из свежесломленных ивовых веточек. Один карапуз при приближении дяди Тѐмы поднялся с колен, серьёзно вытя-нул вперед руку со сжатым грязным кулачком. Дядя Тѐма осто-рожно стукнул по нему своим волосатым кулаком, взъерошил мальчишке волосы. Сын, наверное, подумал Костя. Похож. Точно сын.

Костя выбрался из коляски. К нему тут же подлетел крупный комар, твёрдо наце-ленный поживиться свежим гемоглобином. Ещё один. Детишек же, одетых только в тру-сики и санда-лии, кровопийцы почему-то игнорировали. Деревенских комары не кусают, вспомнил Костя чьи-то слова, которым никогда не верил, считая байкой. И вот, на тебе! Воплощённое чудо? А может, они просто репеллентом намазаны?

Из двора появился дядя Тѐма со связкой мотыг, сопровождаемый длинной и плот-ной приземистой собачонкой тѐмно-коричневого цвета. Несмотря на короткие кри-венькие ножки и бочкообразный торс, собачонка была подвижна, точно ртуть. И жизне-радостна, точно щенок.

«Тѐма и Жучка», – подумал Костя.

– Скоро огребать картошки поедем, – сообщил дядя Тѐма сразу всем. – Ты как, малыш, наготове?

Сын запрыгал от радости и подтвердил, что да – готов, готов хоть сейчас.

– Сейчас не надо. Завтра с утра отправимся.

– Дядя Тёма, – умоляющим голосом спросил Костя, с ужасом глядя, как тот при-вязывает проволокой к «люльке» мотыги, – можно я на заднем сиденье пристроюсь?

– Не, не получится. Туда – не получится. Дорога, понимаешь, хреновенькая. Всё время правый уклон, того и гляди, перевернёшься. Когда человек в люльке сидит – оно надёжнее получается. Противовес, понимаешь? Обратно повезу – пожалуйста. А туда никак. А чё, сидеть неудобно?

– Да. Довольно неудобно, – смущённо признался Костя.

Дядя Тёма подумал немного, а потом решительно вытащил из коляски (из боково-го прицепа, – вспомнил наконец Костя технически безукоризненное наименование) сиденье, оставив только спинку. Сдвинул на его место ящик с инструментами, покрыл сверху рулоном клеёнки и предложил:

– Ну-ка, пробуй.

– Вроде лучше, – не совсем уверенно сказал Костя, надеясь, что его двусмысленные обертоны обратят жесткое дяди Тёмино сердце в сторону смягчения.

– Ну, раз получше, значит поехали!

...Дорога впрямь оказалась никудышной. Кроме бокового наклона, она имела также множество ухабов и огромных луж в затенённых местах, окружённых густой грязью, похожей на пластилин. Кое-где торчали из дороги вершины здоровущих камней, тела которых уходили глубоко в грунт, и вообще... Но дядя Тёма, следует признать, вел «Ижа» мастерски. Они даже ни разу не забуксовали, хоть и казалось время от времени: вот здесь-то мы точно засядем. Накрепко. Как это: «В грязи у Олега застряла телега. Сидеть здесь Олегу до самого снега...»

Дураки и дороги, да.

Дважды они останавливались.

Первый раз – на выезде из посёлка. Перед тем, как пойти круто в гору, дорога проходила по хребту длиннющей плотины, отделяющей поселок от красивого спокойно-го пруда. Склон плотины, обращённый к посёлку, был высок, крут, густо зарос куриной слепотой и мати-и-мачехой. Противоположный – отлог и выложен бетонными плитами, уходящими в воду. На плитах кое-где располагались загорающие, а кое-где лежали опро-кинутые кверху днищем лодки.

Возле одной и притормозил дядя Тёма. (Возле одной из лодок или одной из заго-рающих, было не совсем ясно.) Пока он делал вид, что проверяет, насколько плотно за-конопачены лодочные швы, на самом деле косясь на аппетитную тётчку, что развали-лась под солнышком невдалеке, Костя, посчитавший женщину староватой, хоть и заслу-живающей комплиментов за приличную фигуру, восторженно осматривался по сторо-нам.

С плотины открывался вид как на Петуховку, так и на сопутствующие пейзажи. Деревня (которую местные жители гордо именовали посёлком, аргументируя наличием заводика-задох-лика и ещё чего-то промышленного, столь же не впечатляющего разма-хом, но однако не аграр-ного, нет – индустриального!) сплошь утопала в зелени. Лишь кое-где сквозь кроны прогля-дывали крыши и стены двух– и трехэтажных строений. Справа деревня граничила с узенькой речушкой. В речке женщины полоскали бельё, плавали утки. За рекой сразу вздымалась леси-стая гора.

Вообще, горы окружали Петуховку со всех сторон. На левую с переменным успе-хом пытались вскарабкаться просторные огороды, обнесённые дощатыми заборами. На-встречу огородам сползало кладбище. Деревьев на нем было не меньше, чем могил. Кос-тя помнил, как родители гордились древностью своей покинутой в погоне за цивилиза-цией и образованием, но не забытой родины. Лет ей было как бы не четыреста. По плот-ности заселения кладбища – так точно четыреста. Замыкала поселковый периметр пло-тина, на которой стоял Костя.

Вода в пруду была чуть зеленоватой, но изумительно прозрачной, в ней отражались ёлки, небо и солнышко – сквозь акварельные облака. У самого берега плавали окуни. Там, где плотины оканчивались, плавно смыкаясь со склоном горы, по брюхо в воде стояли коровы, смешно задрав хвосты. Видимо, не хотели их мочить.

Парили тонкие длиннокрылые чайки.

Косте подумалось, что когда-то, миллиард лет назад, сюда рухнул огромный метеорит. И эта котловина, в которой расположилась Петуховка вместе с прудом, речкой, стадионом и коровами – не совсем качественно залеченный временем шрам на теле Земли. А может, кратер давно потухшего, но не умершего насовсем вулкана, который когда-то проснётся, и новые Брюлловы получат превосходную тему для художественных полотен. Не хотелось бы мне укрываться от горячего пепла и вулканических бомб своей ветровкой, подумалось ему ещё.

Коровы не только стояли в воде, но и неторопливо, тяжело шли мимо Кости, изредка роняя на ходу сочные духовитые лепёхи. Обработать коров репеллентом не пришлось никому в голову: слепни, мухи и прочая гнусь ела их поедом, они остервенело мотали башками и хвостами. Одна из коров, рыжая, с мокрым тугим животом, выменем до земли и угрожающе торчащей арфой рогов, вдруг остановилась возле мотоцикла. Часть оводов оторвалась от её персонального вампирского роя, устремившись к Косте. Тот подобрался и замахал руками, стараясь не делать излишне резких движений. Коров он, надо сказать, побаивался.

Вытянув морду, с которой капала слюна, и закатив глаза, корова взревела, обдав Костю густым запахом травяной жвачки и парного молока. Рев её ничуть не напоминал классическое «Му-му». Динозавры и мастодонты приходили в это время трепещуще-му Косте на ум, слоны и бегемоты, паровые сирены, тепловозные гудки – только не нежное мычание Бурёнушки из сказки.

Дядя Тёма на голос коровы отреагировал странно. Он лёгким скачком перемахнул метровую ограду из толстых труб, разделяющую дорогу и бетонный скат плотины, и направился к скотине со словами: «Да ты моя Малютушка! Да хорошая ты моя! Нагулялась, родимая...» – и далее, в том же режущем Костины уши духе. Лодка, как и полуголая селянка в момент лишиться его внимания, пав жертвою хозяйской любви к скотине-кормилице. Впрочем, кажется, дяди Тёмина измена ничуть их не задела.

Обласкав Малютушку, родимую, хорошую, и приказав ей шагать домой, дядя Тёма, заметно просветлевший лицом, завел мотоцикл.

– Поехали дальше? – крикнул он.

– Поехали, – крикнул в ответ Костя.

Его удивляла привычка дяди Тёмы разговаривать непременно и в основном при работающем двигателе. Недоумевая, Костя, тем не менее, придерживался правил игры.

А куда деваться?

Скача по крупной щебенке дороги, точно архар и немилосердно дымя в две трубы, «Иж» взобрался на гору, перевалил вершину и покатился вниз. Дядя Тёма при этом отключил передачи и вовсе заглушил двигатель – шпарил накатом. Подобная сомнительная экономия бензина слегка напугала осторожного Костю. Если тормоза мотоцикла откажут, на такой скорости (а дядя Тёма также и не притормаживал – берёт вдобавок резину) очень даже просто можно расстаться с жизнью или сделаться калекой. Не спасёт и каска.

Обошлось. Спуск закончился, мотор затарахтел. Они въехали в населённый пункт, о котором погнутый дорожный указатель немногословно сообщил: «Мурышовка». Хотя, судя по цветовому оформлению указателя – белые буквы по синему фону, – Мурышовка населённым пунктом как бы не считалась, и в ней можно было даже не сбавлять скорости.

И дядя Тёма подкинул газку.

Замелькали дома и трактора, стоящие под окнами домов. Собаки, спящие в тени тракторов. Грязные, поджарые почти до стройности и очень жизнерадостные поросята, бегающие мимо спящих собак взапуски друг с другом и с мотоциклом дяди Тёмы. Долгомерные брёвна, лежащие вдоль дороги, и козы, ошкуривающие брёвна зубами. Неуместно выглядящий телефон-автомат под ярким пластиковым козырьком, приколоченный к серой стене перекошенного сеного сарая, помнящего, должно быть, падение Римской империи. Сельскохозяйственные навесные орудия – красные, воинственно растопырившие блестящие серпы, спицы и лемеха. Длинные поленницы, крытые от непогоды толем и поленницы, аккуратно сложенные на манер эскимосских иглу и не крытые ничем. Пыль стала столбом, волочилась за «Ижом» пыльным объёмистым шлейфом. У Кости клацали зубы и от встречного ветра слезились глаза. Ящик под задницей громыхал железом, щедро поддавал Косте углами. Клеёнка давно куда-то подевалась. Дядя Тёма жестко, почти кирпично улыбался из-под усов, не разжимая губ, и походил на жокея или скорее, кавалергарда; на гусара, мчащегося косить, бить, расчленять, давить конскими копытами врага в бешеной атакующей лаве таких же бесшабашных рубак.

Эх, вольная воля, русский простор! Эх, быстрая езда, которую кто же у нас не любит?! Эх, дороги! И дураки, разумеется, тоже. Эх...

Второй раз они остановились, когда Косте уже решительно стало казаться, что он давно умер, по-видимому, ещё в автобусе. Выпал через распахнувшуюся на ходу заднюю дверь, которую забыли закрепить на болты, убился... – а всё, произошедшее с ним после – самое настоящее чистилище. Или, быть может, даже вовсе ад. Ну а дядя Тёма – стало быть, бес, приставленный к Косте на первых порах. Оттого и изгаляется. Работа у него такая...

Костя скосил глаза – виден ли бесовский хвост? Пола дяди Тёминой штормовки лежала на сиденье, вздувшись пузырем, под которым вполне поместился бы хвост размера коровьего и даже более.

– Гляди, Константэн, Марьин утёс! – сквозь треск адского мотора провозгласил тем временем дядя Тёма. – Смотрел старое кино «Тени исчезают в полдень»? Помнишь, там белобандиты и подкулачники большевичку со скалы сбросили? Во, это она и есть, та скала! Ух, красотища!

Костя посмотрел.

Марьин утёс походил на избитый всеми штормами нос титанического каменного ледокола ушедших цивилизаций, погрузившегося некогда в океанические глубины. За-несённый миллионнолетними донными отложениями, а сейчас, спустя эпохи, частично вынырнувший – уже из земли, поскольку океан давно отступил, – ледокол так и не сумел выбраться на поверхность целиком. Наклонно уходящая в склон горы палуба поросла тёмными елями, без которых тут никуда, а на месте форштевня из последних сил цеплялась корнями за камень кривоватая берёзка. Под утёсом струилась речушка, стояли яркие палатки любителей отдыха на лоне природы. Кто-то удил рыбку.

Дядя Тёма, зычным голосом превосходя шум мотора, рассказывал историю каменной достопримечательности – с легендарной древности и до новейших времен. Он был горд ею так, словно сам её воздвиг. Даже тем, что кроме киношных большевичек с утеса падали и настоящие, живые люди.

Костя бездумно кивал, согласный с чем угодно, уже даже не пытаясь улыбаться. Когда, пардон, попа болит, словно сплошная рана, а впереди котлы с кипящей смолой, не до улыбок, знаете ли. Что вы говорите! Революционерку сбросили? Ай-яй-яй, беда какая! В набежавшую, то есть волну... Ужас, ужас! Фобос, так сказать, и Деймос. Так ведь Ад, товарищи большевики и большевички, чего вы хотели? Думали, ежели в него не верить, так его и не станет – так, что ли?..

– Безусловно. Именно так они и думали, – подтвердил дядя Тёма.

Ой, ужаснулся Костя, так я что же, вслух?..

– И знаешь, были по-своему правы, – продолжал греметь дядя Тёма. – Ежели Рай, Ад и сопутствующие метаформации являются предметами религиозно-духовной культу-ры, то в тонком мире, связанном с обществом атеистов, они постепенно стали разру-шаться.

– Рай и Ад? – спросил Костя.

– Конечно. Понимаешь, почему?

– Нет, – признался Костя. – А почему?

– Ну, это же просто! Душа в России была объявлена категорией материальной. Совокупностью электрических сигналов мозга. То бишь категорией исключительно зем-ной. Даже при-землённой. Большевицкая наука поставила знак равенства между нею и сознанием. Народ же российский, получивший наконец вождельное образование – в основной массе именно атеистические и материалистическое образование, – электриче-ской теории свято поверил... – дядя Тёма осёкся. – ...Ну, ежели позволено мне будет при-менить слово «свято» в таком вот контексте. Поверил, практически свершив тем самым массовое самоубийство. Которое, как известно, Душу у человека демонтирует напрочь.

– Как это – самоубийство? – спросил Костя.

– А так. Если человек агрессивно убеждает себя и окружающих, что души у него вовсе нету, ей рано или поздно приходит конец. Мучительный. Она ж нежная, только на вере и держится. И что получилось в итоге? Горняя высь и Преисподняя остались без по-ступления све-жего материала, свежей идеальной энергии, поддерживающей их сущест-вование. И если Эдем ещё пополнялся кое-какими святыми да светлыми, особенно – страдающими за веру, то Тар-тару пришлось совсем туго. Грешники, основной полуфаб-рикат, в него больше не верили. «Ад? – восклицали они. – Ха-ха-ха! Да вы шутить изво-лите. Черви и тление, товарищи, и более ничего!» Иностранные Души российское Запре-делье питать, разумеется, не могли. Веры раз-ные, культуры разные, менталитеты. Эгрего-ры, если хотите – разные. Железный занавес жив и за чертой земного бытия.

– Границы в Раю? – спросил Костя. – Похоже на кошунство.

– Кошунство? – нацелил на него палец дядя Тёма. – Отнюдь нет! Печальный факт. Тебя, Константэн, насторожило, что я называю зарубежных христиан иноверцами? Тем не менее, это так. Нужно ли пояснять, что католическое и тем паче протестантское христианство – религии, к православию никакого отношения много столетий уже не имеющие? Ислам я нарочно остав-ляю за скобками нашего сегодняшнего анализа. Воз-можно, он держался чуть крепче, но ком-мунисты изрядно пошатнули и его. Итак, перед нами открывается картина адской трагедии. Преисподняя ветшает, грешники поступают с перебоями, в рядах бесов депрессия и уныние. Стало быть, дабы не зачахнуть, дьяволь-ской вотчине вкупе с её нечистыми рогато-копытными, воняющими серой гегемонами оставался единственный выход. Самый простой. Просочиться в наш мир. Овеществиться. Когда гора не идёт к Магомету... И Магомет, простите, Иблис – пришёл. Чего это ему стоило, трудно представить. Дорогостояло, как мне думается. Но он, как известно, от веку был настойчив и последователен в своих решениях и не привык считаться с трудно-стями. «Грянет буря, мы поспорим и поборемся мы с ней!» Поспорил. Поборолся. Пре-возмог. И пришёл. И, похоже, прижился настолько, что изгнать его теперь восвояси – в магмы Преисподней – очень и оч-чень проблематично. Да и кто возьмётся?.. Кто пове-рит?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.